

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Лопухин А.П.

**СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ
КАК ПРОПОВЕДНИК
ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ
И МИЛОСТЫНИ**

Христианское чтение, 1897, I, с. 27-48, 245-260

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ,

какъ проповѣдникъ челоѣколюбія и милостыни.

ВЕЛИЧАЙШИМЪ зломъ древняго міра было вопіющее неравенство въ распредѣленіи земныхъ благъ между различными классами населенія. Грозная соціальная проблема, отъ попытокъ къ разрѣшенію которой и теперь содрогается основы государствъ, въ настоящее время не имѣетъ и сотой доли той остроты, которой отличалась она въ древности, когда челоѣчество не имѣло еще всепримиряющаго принципа христіанской любви, а всецѣло жило своими эгоистическими интересами и когда каждый, не имѣя высшаго упованія, всѣ силы направлялъ къ тому, чтобы скопить себѣ богатство на землѣ. Практическій матеріализмъ былъ главнымъ движущимъ рычагомъ древняго челоѣчества, и если евреи, по исходѣ изъ Египта, слили себѣ золотого тельца, чтобы поклоняться ему, то въ этомъ отношеніи они, такъ сказать, лишь невольно и случайно проявили наклонность къ тому идолослуженію, которое совершали всѣ народы древняго языческаго міра, видѣвшіе въ золотомъ тельцѣ (въ его символическомъ значеніи) главный смыслъ своей земной жизни. Отсюда беспощадная борьба между отдѣльными людьми, классами и цѣлыми народами, и достаточно взглянуть на исторію народовъ древняго міра, чтобы убѣдиться, что самыя войны ихъ имѣли своею главною цѣлію накопленіе богатствъ и при томъ на счетъ другихъ. Но если въ отношеніи народовъ эта жажда къ накопленію богатства еще прикрывалась благовидными предлогами — патріотизмомъ, геройствомъ, то во взаимоотношеніи отдѣльныхъ лицъ и классовъ она выступала во всей своей

прямотѣ и беззащитности — какъ грубое хищничество, не стѣснявшееся никакими соображеніями человѣчности. Въ этой ожесточенной борьбѣ изъ-за земныхъ благъ одни конечно выходили побѣдителями, другіе падали, и побѣдоносная колесница беспощадно давила всѣхъ изнемогшихъ въ неравной борьбѣ. Уже задолго до Рождества Христова въ Римѣ, гдѣ человѣческая правда, благодаря высокоразвитому юридическому смыслу народа, должна бы найти себѣ наивысшее осуществленіе, социальная борьба привела къ вопіющимъ крайностямъ богатства и бѣдности и отъ этого социальнаго неравенства не разъ потрясался политически могучій организмъ государства. Принимались всевозможныя — и законодательныя и политическія — мѣры къ устраненію этого страшнаго зла, но все оказывалось бесполезнымъ и зло продолжало расти, пока наконецъ не подточило самыхъ основъ древняго міра, который и рушился главнымъ образомъ именно отъ того, что поправъ былъ божественный законъ любви и на мѣсто его поставленъ законъ безграничнаго эгоизма.

Съ основаніемъ христіанства картина неизбежно должна была переимѣниться. Правда, христіанство не вмѣшивалось въ социальныя — общественныя отношенія, и Самъ Христосъ, на просьбу своекорыстнаго или даже обиженнаго наслѣдника, просившаго Его принудить неговорчиваго брата къ надлежащему раздѣлу наслѣдства, отстранилъ отъ себя это дѣло, сказавъ: «кто поставилъ Меня судьей?» — Но сила христіанства заключалась вовсе не въ его внѣшнихъ юридическихъ постановленіяхъ, а въ томъ внутреннемъ принципѣ, который лежалъ въ самой основѣ его бытія. А этотъ принципъ былъ именно принципъ любви, какъ разъ противоположный тому принципу эгоизма, которымъ жилъ древній міръ, и онъ неизбежно долженъ былъ оказать противоположное дѣйствіе. Сила провозглашеннаго христіанствомъ принципа любви въ томъ и состоитъ, что она для своего дѣйствія не нуждается въ какихъ-нибудь внѣшнихъ правилахъ и правовыхъ постановленіяхъ, потому что она дѣйствуетъ сама по себѣ, стихійно — подобно тому, какъ дѣйствуетъ закваска, оквашивающая все тѣсто. Какъ вѣтъ надобности (при нормальномъ состояніи вещей) постановлять правила, заставляющія мать питать и лелѣять своего ребенка, потому что она сама безъ всякихъ правилъ, по естественному чувству, стоящему выше всякихъ предписаній, питаетъ и лелѣетъ его, и это чувство есть материнская

любовь, такъ и церковь Христова, безъ всякихъ внѣшнихъ юридическихъ предписаній, вносила въ общество ту любовь, которая изгоняла всякій эгоизмъ и попяляла всякія тернія соціальной несправедливости во взаимоотношеніи людей. Вотъ почему христіанство одной силой любви впесло столько правды и во внѣшнія соціальныя отношенія людей, сколько не въ состояніи былъ внести Римъ со всѣми силами и мѣропріятіями его юридическаго тѣнія.

Но иное дѣло принципъ и иное—осуществленіе его. Пока ярко горѣлъ пламень христіанской любви, подъ его всерасплавляющей силой растаивали всѣ ледяныя горы соціальнаго неравенства, и въ первобытныхъ христіанскихъ общинахъ находило себѣ примѣненіе даже высшее проявленіе братской любви, именно форма общенія имѣній. Но по мѣрѣ того, какъ неводъ христіанскихъ «ловцовъ челоуѣковъ» захватывалъ все большее пространство житейскаго моря и въ него попадали не только хорошія, но и негодныя рыбы, то первоначальный идеалъ по необходимости долженъ былъ понизиться, а впоследствии, когда оффиціально міръ объявленъ былъ христіанскимъ, независимо отъ системы внутренняго достоинства и убѣжденія, то это пониженіе идеала должно было сказаться въ еще болѣе печальныхъ формахъ. Языческій міръ вновь сталъ вторгаться въ церковь со своими неправдами и съ своимъ эгоизмомъ и это по необходимости должно было отражаться и на соціальныхъ отношеніяхъ. Прежняя простота этихъ отношеній исчезла, опять появились и въ самой церкви раздѣленія на богатыхъ и бѣдныхъ, а съ этимъ раздѣленіемъ явились и всѣ неразлучныя съ нимъ крайности — съ одной стороны безграничной роскоши, а съ другой — вопіющей бѣдности. Такъ какъ кромѣ того въ IV вѣкѣ міръ только еще наполовину былъ христіанскимъ, а другая половина оставалась во тьмѣ язычества, то это еще болѣе усиливало воздѣйствіе языческаго принципа, такъ что напр. въ Константинополѣ и Антіохіи, мѣстахъ служенія св. Іоанна Златоуста, соціальное неравенство проявлялось въ формахъ возмутительныхъ крайностей. Но если язычество съ его принципами эгоизма стремилось вновь внести тотъ же хаосъ въ соціальныя отношенія, отъ котораго погибалъ древній міръ, то съ другой стороны и христіанство не потеряло своей силы и выдвигало изъ своей среды дѣятелей, которые, воплощая въ себѣ глубочайшій духъ любви, неустанно подвигами добрыми подвиги

зались съ цѣлю внести этотъ духъ и въ обыденныя отношенія людей и чрезъ это возродить міръ. Многіе великіе отцы и учителя церкви трудились на этомъ поприщѣ, но болѣе всѣхъ потрудился тотъ златоустый учитель, который былъ какъ бы воплощеніемъ самой любви и жилъ исключительно для блага людей. Его отношеніе къ богатству и бѣдности и особенно къ милостынѣ, какъ главному средству устраненія соціальной неправды, мы и изложимъ въ настоящей статьѣ ¹⁾).

Какъ въ Антиохіи, такъ и въ Константинополѣ, гдѣ послѣдовательно совершалось служеніе св. І. Златоуста, предъ нимъ во всемъ ужасѣ развертывалась та именно картина соціального неравенства, которая самымъ своимъ существованіемъ вопіяла къ небу. Благодаря выгодному въ торговомъ отношеніи положенію, оба эти города славились своимъ богатствомъ, пышностью и великолѣпіемъ своихъ зданій, роскошью жизни. Несмѣтные богачи, обладавшіе огромными средствами, утопали въ роскоши и изощрялись въ изысканіи новыхъ и новыхъ способовъ услажденія своей изнѣженной плоти. Многіе изъ нихъ имѣли не по одному, а по нѣскольку роскошныхъ дворцовъ и загородныхъ виллъ, и такъ какъ въ одно время можно жить только въ одномъ мѣстѣ, то большинство этихъ домовъ пустовали, служа лишь доказательствомъ зазнавашагося тщеславія богачей; а гдѣ пребывали хозяева, тамъ постепенно давались торжества, на которыхъ подавались всѣ сладости, какія только могли быть придуманы изобрѣтательнымъ геніемъ чревоугодія. Дома были переполнены рабами, число которыхъ у иныхъ богачей доходило до нѣсколько тысячъ и которые исполняли всѣ прихоти господина и госпожи. Въ роскоши одѣждъ богачи не знали границъ, выписывали издалека самыя дорогія матеріи, платя за нихъ часто безумныя деньги, а женщины кромѣ того украшали себя всевозможными ожерельями и браслетами, такъ что на иной куртизанкѣ было навѣшано столько драгоценностей, что ихъ достаточно было бы для прокормленія не одной семьи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но рядомъ съ этимъ богатствомъ и порожденною ими роскошью была другая картина—вошющей бѣдности и нищеты. Въ то время какъ у богачей

¹⁾ См. *Un reformateur de la société chrétienne au IV siècle*, par *Aimé Puech*, p. 46 и сл.; *Histoire de S. Jean Chrysostome*, въ *Œuvres complètes*, p. 201 и сл., *Opera omnia* въ изд. *Миля*, а также первые два тома „*Полнаго собранія твореній св. І. Златоуста*“ въ русскомъ переводѣ.

пустовало по нѣскольکو роскошныхъ домовъ, служившихъ лишь мѣстомъ жительства какой-нибудь любимой собаки или обезьяны, окруженныхъ заботами цѣлыхъ десятковъ рабовъ, у самыхъ воротъ этихъ роскошныхъ домовъ, часто въ холодѣ и голодѣ ютились несчастные бѣдняки, у которыхъ не было иного крова, кромѣ свода небеснаго, и которымъ негдѣ было приклонить голову. Въ то время какъ богачи тратили съ безумною расточительностью огромныя суммы, чтобы выписать изъ отдаленныхъ странъ роскошныя вина для услажденія своего изнѣженнаго чрева или получить «висонныя» матеріи, которыя предназначались не для одѣянія (потому что были тонки до прозрачности), а для тщеславнаго удовлетворенія требованіямъ прихотливой моды, — бѣдняки не имѣли и куска хлѣба для утоленія мукъ голода или грязныхъ лохмотьевъ для прикрытія своей наготы. Однимъ словомъ — въ широкомъ социальномъ масштабѣ повторялась глубокожизненная притча о богачѣ и Лазарѣ. При видѣ этихъ вопиющихъ крайностей не могло не возмущаться даже простое чувство правды. Понятно, какія чувства должны были наполнять душу того, кто смотрѣлъ на всѣ отношенія съ высшей точки зрѣнія, кто самъ постоянно жилъ въ области христіанскаго идеала и, при своей глубочайшей вѣрѣ въ господство высшей Правды, царствующей въ мірѣ, жаждалъ увидѣть ея осуществленіе на землѣ. Какъ юристъ по образованію, Златоустъ конечно знакомъ былъ съ законами социальнаго-экономическаго развитія и зналъ, что подобныя крайности въ социальномъ отношеніи составляютъ неизбежное послѣдствіе несовершенства и грѣховности самого человѣка, такъ что всецѣло устранить ихъ можно было бы не иначе, какъ радикально измѣнивъ человѣческую природу съ ея недостатками и страстями, т. е. въ сущности дѣло это стоитъ выше всякихъ возможностей разума человѣческаго. Не даромъ величайшіе умы древности въ своихъ идеальныхъ «республикахъ», какъ Платонъ или Аристотель, не могли стать выше того социальнаго порядка, въ которомъ благосостояніе немногихъ гражданъ основывается на рабствѣ массы безправныхъ людей, т. е. основывается на признаніи рокового закона социальнаго неравенства. Этотъ законъ древняго міра былъ отмѣненъ Искупителемъ человѣчества, который, всѣхъ искупивъ своею безцѣнною кровію отъ грѣха, проклятія и смерти, тѣмъ самымъ возстановилъ первоначальное равенство на основѣ духовной

свободы и братской любви. Но это духовное равенство могло сохранить свое вліяніе на дѣйствительную жизнь дотолѣ, пока провозглашенный христіанствомъ идеаль сохранялъ свой первоначальный жизненный характеръ, пока онъ служилъ дѣйствительнымъ закономъ жизни, которому по внутренней потребности обновленнаго духа всѣ подчинялись не только добровольно, но и съ любовью. Въ такомъ идеальномъ состояніи находилась первоначальная община христіанъ, когда «всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ, и имѣли все общее» (Дѣян. II, 14); но затѣмъ, когда пылъ первоначальной восторженности въ вѣрѣ сталъ остывать, то вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно понизился и самый идеаль, и съ распространеніемъ христіанства по всему міру въ среду христіанъ стали снова проникать и и всѣ тѣ грѣховныя наклонности и страсти, которыя опять привели къ полному раздѣленію въ социальномъ-экономическомъ отношеніи. И это неравенство было тѣмъ ужаснѣе, что оно стояло въ разительномъ противорѣчьи съ первоначальнымъ идеальомъ и въ немъ находило свое изобличеніе, какъ состояніе вполнѣ ненормальное и несогласное съ духомъ христіанства.

Уже отсюда становится понятнымъ, какъ долженъ былъ относиться къ подобному явленію такой великій носитель христіанскаго идеала, какъ св. Іоаннъ Златоустъ. Во время своего служенія въ Антиохіи въ санѣ діакона онъ имѣлъ полную возможность близко ознакомиться съ вопіющими крайностями богатства и бѣдности, особенно когда ему часто приходилось видѣть, какъ рядомъ съ убогой хижиной, гдѣ онъ въ качествѣ діакона навѣщалъ какую-нибудь бѣдствовавшую семью съ холодными и голодными дѣтьми, стоялъ роскошный дворецъ богача, безумно расточавшаго несмѣтныя богатства на самыя изысканныя сладости и роскошнѣйшія одежды или даже на украшеніе тѣхъ лошаковъ, на которыхъ выѣзжала кататься его любимая куртизанка. Неудивительно, что не только такія крайности вообще, но и самое богатство, какъ употребляемое съ такимъ безумствомъ, не могло возбуждать сочувствія въ священнослужителѣ, предъ умственнымъ взоромъ котораго постоянно предносился христіанскій идеаль. Вотъ почему, если бѣдность и связанная съ нею бѣдственность возбуждала въ немъ горячее сочувствіе, выразившееся въ неустанныхъ дѣлахъ благотворенія, то съ другой стороны богатство съ его излишествами вызывало въ немъ негодованіе и осужденіе.

Онъ прямо паходилиль подобное состояніе ненормальнымъ, противохристіанскимъ, и происхожденіе его видѣль въ самыхъ темныхъ источникахъ. Разсматривая происхожденіе огромныхъ богатствъ, онъ приходилъ къ мысли, что въ основѣ всѣхъ такихъ богатствъ лежитъ несправедливость, обманъ или насиліе. «Скажи мнѣ; говорилъ онъ въ бесѣдѣ на 1 посланіе къ Тимоѳею, — каковъ источникъ твоего богатства? Отъ кого ты получилъ его, и отъ кого получилъ его тотъ, кто передалъ его тебѣ? Можешь ли ты, восходя чрезъ нѣсколько поколѣній, показать, что приобрѣтеніе его праведно? Этого не можетъ быть. Корень и происхожденіе его окажется въ несправедливости. Почему? Потому что Богъ въ началѣ не сотворилъ одного богатымъ, а другого бѣднымъ. И въ послѣдствіи Онъ не бралъ и не показывалъ одному сокровища золота, а другимъ отказывалъ въ правѣ искать его; но Онъ оставилъ землю свободою для всѣхъ» ¹⁾. Какъ въ самомъ дѣлѣ образовались эти огромныя богатства, если не на счетъ малыхъ и бѣдныхъ? Они суть плодъ алчности и жадности, — двухъ самыхъ ужасныхъ и возмутительныхъ пороковъ». Знаешь ли ты, какъ вообще люди обогащаются? Посредствомъ разныхъ мелкихъ продѣлокъ и обмановъ, съ которыхъ начинаютъ мелкіе торгаши и ремесленники, а затѣмъ и прямо при посредствѣ широкихъ расчетовъ на бѣдственность людей», какъ это Златоустъ показалъ на примѣрѣ богача, скорбѣвшаго о томъ, что его расчеты на плохой урожай не оправдались и такимъ образомъ сдѣланные имъ огромные запасы хлѣба, съ цѣлью продать ихъ по возможно высокой цѣнѣ голодающимъ, оказались напрасными ²⁾. Обогащаются затѣмъ еще при помощи ростовщичества, принимавшаго столь позорныя формы, что гражданскимъ закономъ было запрещено сенаторамъ прибѣгать къ такому ложному источнику наживы ³⁾. Наживаются далѣе на счетъ несчастныхъ вдовъ и

¹⁾ На 1 Тим. Бес. XII, 4.

²⁾ На 1 къ Фесс. X, и на 1 къ Коринѣ. XXXIX.

³⁾ На ев. Матѣ. LVI. Ростовщичество особенно возбуждало противъ себя священное негодованіе Златоуста, и онъ безъ всякаго ограниченія запрещаетъ его. Подъ ростовщичествомъ же онъ, подобно и другимъ отцамъ церкви, разумѣетъ не взиманіе только чрезмѣрнаго роста, а самый ростъ вообще, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ упоминаетъ и прямо осуждаетъ взиманіе роста въ одинъ процентъ въ мѣсяцъ, или 12⁰/₁₀ годовыхъ. Правда, процентъ этотъ весьма значительный по нашему времени, но въ древности онъ считался самымъ обычнымъ при займахъ. Объ отношеніи отцовъ церкви къ ростовщичеству см. *Funk*, *Geschichte des kirchlichen Zinsverbotes*, гдѣ показано, что отцы церкви осуждали вообще всякое взиманіе процентовъ.

сиротъ, достояніе которыхъ расхищаютъ разные мнимые благодѣтели, пользуясь ихъ беспомощностью или неопытностью. И самими ненасытными обыкновенно бываютъ самые богатые люди. Они именно бываютъ и самыми неумолимыми кредиторами, которые именно, какъ зналъ Златоустъ изъ опыта своей адвокатской практики, постоянно и возбуждаютъ всѣ тяжбы и раззоряютъ маленькихъ людей ⁴⁾).

Въ виду такихъ воззрѣній св. І. Златоуста на происхождение богатства неудивительно, что изъ его устъ по временамъ вырываются слова, которыя могутъ показаться жесткими и заставляли нѣкоторыхъ изслѣдователей приравнивать его въ этомъ отношеніи къ такимъ демагогамъ, какъ Гракхи, и видѣть въ его воззрѣніяхъ сходство съ позднѣйшими воззрѣніями Руссо и подобныхъ ему мыслителей. Но разсуждать такъ, значить совсѣмъ не понимать самаго источника, откуда исходятъ воззрѣнія Златоуста, и цѣль, къ которой онъ стремился. Ни на мигъ не нужно забывать, что онъ былъ строжайшій носитель христіанскаго идеала съ его идеями любви и братства, и что цѣлю его проповѣди было водворить этотъ идеалъ въ наличной, далеко уклонившейся отъ него жизни. Тогда станетъ понятнымъ, что Златоустъ въ этомъ отношеніи стоялъ совершенно на той же точкѣ зрѣнія, какъ и другіе отцы церкви, какъ напр. св. Амвросій медиоланскій, который также высказывалъ мысли, напоминающія собою первоначальный идеалъ христіанъ апостольскаго вѣка. Но это отнюдь не значить, чтобы они были какими-нибудь утопистами, отрицавшими право собственности. Они проповѣдывали то самое ученіе, которое провѣдуется церковью, а церковь явственно выразила свой взглядъ на священное право собственности, когда она осудила апотактитовъ и монаха Евстаѳія, которые требовали отъ богатыхъ полнаго отреченія отъ своего богатства и отказывали въ надеждѣ на спасеніе тѣмъ, кто обладали имѣніями здѣсь на землѣ. Поэтому ставить св. І. Златоуста на одну доску съ агитаторами въ родѣ Гракховъ, значить не понимать ни евангелія, ни ученія Христовой церкви, отъ которыхъ онъ не отступалъ ни на іоту. Напротивъ, именно желаніе воплотить это ученіе въ наличную жизнь и вызывало въ немъ истинную пастырскую скорбь о несоотвѣтствіи идеала съ дѣйствительностью, которая представляла въ его время по

⁴⁾ На Дѣян. Апост. XIII.

истинѣ печальную картину. Ростовщичество, расхищеніе провинцій, постыдное вымогательство — вотъ былъ дѣйствительный источникъ образованія огромныхъ богатствъ тогдашнихъ магнатовъ и плутократіи, и эти богатства, какъ худо нажитыя, худо и употреблялись. Земледѣліе, торговля, свободный трудъ находились въ отчаянномъ состояніи; крестьяне, колонисты, рабочіе почти умирали съ голода; нищенство принимало зловѣщіе размѣры; нападенія варваровъ причиняли разореніе, еще болѣе усиливая голодъ и бѣдственность, и въ виду этой всеобщей бѣдственности немногіе сравнительно счастливы, захвативъ въ свои руки почти всѣ земли имперіи, расточали огромныя суммы на оргіи, на кутежи и на куртизанокъ, — на безумную роскошь столь же бессмысленную, какъ и безправственную, — увѣшивая своихъ лошадей золотыми и драгоцѣнными бездѣлушками, украшая даже кровли своихъ домовъ золотыми и серебряными звѣздами, — однимъ словомъ безумно расточая деньги и въ то же время съ грубымъ безсердечіемъ относясь къ своимъ должникамъ и бѣднякамъ. Въ этомъ отношеніи съ одинаковымъ негодованіемъ высказывались всѣ великіе отцы и учителя церкви — кромѣ св. І. Златоуста, св. Амвросій и блаж. Іеронимъ, св. Василій Великій и Астерій. Удивительно ли, что при видѣ такого зазорнаго зрѣлища бессмысленной расточительности — съ одной стороны и вопіющей бѣдственности — съ другой, изъ груди этихъ великихъ выразителей религіи любви по временамъ вырывались возгласы рѣзкаго негодованія и осужденія на жестокія излишества гордости, эгоизма и хищничества! Отвращаясь отъ столь ужасной дѣйствительности, они любили находить себѣ убѣжище въ идеалѣ, переноситься такъ сказать въ первобытный Эдемъ, въ которомъ все дышало невинностью, любовію и блаженствомъ, — возвращаться къ первымъ днямъ зарождавшагося христіанства, когда вѣрующіе имѣли одно сердце и всѣ вмѣстѣ пребывали въ молитвѣ и любви — до забвенія самыхъ правъ собственности. Неудивительно также, что эти великіе святители, не видя другого средства для осуществленія христіанскаго идеала въ окружавшей ихъ печальной дѣйствительности, прямо указывали на монастыри, какъ единственныя мѣста, куда не могъ вторгаться міръ съ его страстями и неправдами, гдѣ царствовала братская любовь, гдѣ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, исключались самыя понятія о

моемъ и твоемъ и гдѣ поэтому христіанскій идеаль находилъ себѣ единственное убѣжище. При видѣ этого благословеннаго состоянія въ монастыряхъ, у святителей невольно является мысль о томъ, какое было бы счастье для всего человѣчества, если бы это состояніе можно было распространить на все человѣчество, потому что оно измѣнило бы все лицо земли, возвратило бы рай на землю и, отдавая всѣ блага въ общее владѣніе всѣхъ людей, водворило бы потерянное счастье на землѣ. Но отъ этихъ благочестивыхъ мечтаній до безумныхъ теорій народныхъ агитаторовъ, старающихся обыкновенно разрушать существующее безъ яснаго понятія о томъ, какъ и что можетъ быть создано на развалинахъ разрушеннаго, — безконечное разстояніе. Стоить только выступить новатору, который бы ставилъ бѣдность въ долгъ каждому, подвергалъ бы сомнѣнію право собственности, какъ эти же великіе носители христіанскаго идеала первые выступаютъ въ защиту соціального порядка и мужественно будутъ ниспровергать всѣ эти безумныя бредни. Такъ, едва ли кто сильнѣе св. І. Златоуста возставалъ противъ всякаго посягательства на чужое добро, какимъ бы предлогомъ ни прикрывалось это посягательство. Нѣтъ ничего, говорилъ онъ, постыднѣе воровства ¹⁾; его осуждаютъ какъ божескіе, такъ и человѣческіе законы ²⁾; ничѣмъ, и даже самой милостыней нельзя загладить его ³⁾; самыя приношенія, исходящія изъ этого нечистаго источника, недостойны того, чтобы приносить ихъ къ алтарю ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «Вы смущаетесь, видя на землѣ богатыхъ и бѣдныхъ, и пользуетесь случаемъ обвинять Бога въ несправедливости. Я же напротивъ говорю, что неравенство между нами по состоянію есть одно изъ доказательствъ Его Промышленія. Не будь бѣдныхъ — и у васъ не было бы ни матросовъ, ни лодмановъ, ни рабочихъ, ни кузнецовъ, ни хлѣбниковъ. Кто сталъ бы заниматься какимъ-нибудь механическимъ ремесломъ? Все было бы смятеніемъ и безпорядкомъ. Бѣдность есть великая наставница людей: она побуждаетъ и принуждаетъ ихъ къ работѣ и къ занятію ремеслами. Если бы мы всѣ были богачами, мы всѣ заснули бы въ лѣности; домостроительство міра поколебалось бы и общество не могло

¹⁾ На еванг. Іоанна LI, 3,

²⁾ На еванг. Мате. LI, 6.

³⁾ Тамъ же LII, 4.

⁴⁾ Тамъ же L, 3.

бы существовать» ¹⁾. Еще ярче эту мысль о необходимости неравенства по состоянію онъ высказываетъ въ 34 бесѣдѣ на первое посланіе къ Коринѳянамъ, гдѣ съ свойственною ему живостью воображенія подтверждаетъ свою мысль нагляднымъ примѣромъ. «Представимъ себѣ два города, изъ которыхъ одинъ состоитъ исключительно изъ богачей, а другой также исключительно изъ бѣдныхъ. Сравнимъ эти города. Въ состояніи ли существовать городъ богатыхъ? Окажется, что если городъ бѣдныхъ будетъ въ состояніи самъ по себѣ существовать, то городъ богатыхъ почувствуетъ нужду въ бѣдныхъ». «Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ городѣ богатыхъ не будетъ ни фабричнаго рабочаго, ни строителя, ни плотника, ни сапожника, ни пекаря, ни земледѣльца, ни слесаря, ни веревочника, ни другихъ какихъ нибудь ремесленниковъ. Вѣдь кто изъ богачей захотѣлъ бы заниматься этими ремеслами, когда мы видимъ, что даже тѣ самые люди, которые занимаются ими, ставъ богатыми, не выносятъ дольше трудностей, причиняемыхъ этими работами? Какъ же будетъ существовать такой городъ? Богатый, отвѣчаешь, давая деньги, купить на нихъ все ему нужное отъ бѣдныхъ. Но въ такомъ случаѣ значитъ онъ не будетъ существовать самъ собою, что доказывается его нуждою въ другихъ. Но какъ богачи будутъ строить дома? Неужели они купятъ и это? Самая природа вещей не допускаетъ этого. Поэтому они должны будутъ пригласить мастеровъ оттуда и нарушить законъ, который мы сначала постановили, основывая такой городъ, въ которомъ не должно быть ни одного бѣднаго человѣка. И вотъ сама необходимость противъ нашей воли приглашаетъ и вводитъ ихъ. Отсюда очевидно, что безъ бѣдныхъ невозможно существовать для города, такъ какъ если бы этотъ городъ продолжалъ не допускать къ себѣ таковыхъ, то онъ перестанетъ существовать и погибнетъ. Ясно, что онъ не въ состояніи поддерживать себя, если не соберетъ бѣдныхъ, которые, какъ своего рода хранители, жили бы въ немъ. — Но посмотримъ также на городъ бѣдныхъ, окажется ли онъ въ подобномъ затруднительномъ отношеніи, будучи лишень богатыхъ. И прежде всего надлежащимъ образомъ уяснимъ себѣ сущность богатства. Въ чемъ можетъ состоять богатство? Въ золотѣ, серебрѣ, драгоценныхъ камняхъ, въ одеждахъ

¹⁾ Бесѣды объ Аннѣ, V, 3.

шелковыхъ, пурпурныхъ и шитыхъ золотомъ. И вотъ теперь, зная, въ чемъ состоитъ богатство, удалимъ его изъ города бѣдныхъ, и такъ какъ мы хотимъ, чтобы городъ исключительно состоялъ изъ бѣдныхъ, то пусть тамъ не показывается золота, а если угодно, то даже ни серебра, ни серебряныхъ сосудовъ. И что же? Будетъ ли такой городъ и его обитатели жить въ нуждѣ, скажи мнѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Предположимъ сначала, что нужно обстроиться; для этого не нужно ни золота, ни серебра, ни жемчуговъ, а нужны умѣнье, руки, да не всякія вообще руки, а мозолистыя съ зазубренными пальцами, — нужны большая сила, дерево и камни. Предположимъ затѣмъ, что потребуются сшить одежду; опять и здѣсь не нужно ни золота, ни серебра, а какъ и раньше, требуются умѣнье, руки и работающія женщины. А что если потребуются обрабатывать или рыть землю? Кто нужны здѣсь — богатые, или бѣдные? Всякому очевидно, что бѣдные. И когда нужно также ковать желѣзо, или дѣлать чтонибудь подобное, то опять именно въ такихъ людяхъ мы больше всего и нуждаемся. — Итакъ, къ чему же можетъ оказаться нужнымъ городъ богатыхъ? Да ни къ чему, кромѣ того, чтобы срыть этотъ городъ. Ибо если и простой народъ будетъ входить въ него, и любомудры (любомудрами я называю тѣхъ, которые не нуждаются ни въ чемъ излишнемъ) ниспадутъ до желанія золота и драгоценностей, предаваясь лѣности и роскоши, они все погубятъ съ этого времени»¹⁾.

Такимъ образомъ въ бытовомъ отношеніи бѣдные въ сущности имѣютъ больше устойчивости и обезпеченности въ своемъ существованіи, потому что они больше приспособлены къ борьбѣ за существованіе. Но даже и въ смыслѣ наслажденія жизнью они имѣютъ не только равенство, но и преимущество предъ богатыми. Хотя сами по себѣ богатство и бѣдность безразличны и все зависитъ отъ того, какъ они употребляются, однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣдность доставляетъ больше счастья, чѣмъ богатство. Св. І. Златоустъ часто указываетъ на ненадежность и превратности судьбы, ярко изображаетъ муки богатаго скупца; часто въ какихъ идиллическихъ краскахъ у него рисуется простая, близкая къ природѣ жизнь бѣдныхъ поселянъ! У бѣднаго меньше заботъ, онъ меньше подвергается опасностямъ, онъ спитъ гораздо болѣе пріятнымъ сномъ.

1) На 1 Кор. Вес XXXIV, 8.

Предпочтительно предъ богатствомъ, бѣдность укрѣпляетъ тѣло, исправляетъ душу и есть мать мудрости. Да и настолько ли бѣднякъ лишень радостей, какъ многіе думаютъ? «Что мнѣ сказать о солнцѣ, восклицаетъ Златоустъ въ одномъ мѣстѣ, — объ этомъ блистательномъ и пламенномъ свѣтилѣ, которое радуется наши глаза? Не составляетъ ли оно источника наслажденія общаго для всѣхъ — богатыхъ и бѣдныхъ? Что сказать о коронѣ, которую составляютъ звѣзды на тверди? Что сказать о лупѣ? Не всѣмъ ли одинаково принадлежать онѣ? Но кромѣ того — замѣчательно! — мы, бѣдные, пользуемся ими лучше богатыхъ. Они, чаще всего, погрязнувъ въ пьянствѣ, проводятъ свою жизнь поочередно то въ разгульныхъ пиршествахъ, то въ тяжеломъ снѣ, который слѣдуетъ за ними, и даже не замѣчаютъ этихъ возвышенныхъ зрѣлицъ; они не выходятъ изъ своего жилища, и живутъ въ тѣни. Положеніе же бѣдныхъ напротивъ таково, что никакой еще классъ людей не наслаждается въ такой полности красотами природы. Въ селѣ воздухъ чище, чѣмъ въ городѣ. Странники и земледѣльцы больше наслаждаются этой роскошью, чѣмъ обитатели города, ремесленники больше, чѣмъ тѣ, кто пребываютъ въ пьяственности по цѣлымъ днямъ» ²⁾). Понятно, насколько такія рѣчи способствовали такъ сказать умиротворенію сердца бѣдняковъ, которые видѣли, что они вовсе не такъ обездолены, какъ имъ кажется, и даже имѣютъ свои преимущества предъ богатыми. Чувства ихъ, раздраженные суровою дѣйствительностью, смягчались, и они смиренно полагались на неизслѣдимые пути Промысла Божія. Изъ бесѣдъ своего любвеобильнаго защитника, такъ горячо ратовавшаго за нихъ, они научались не завидовать богатымъ, не проклинать баловней міра сего, а благословлять и кротко сносить долю бѣдности. Вѣдь это состояніе освящено и облагорожено примѣрами величайшихъ мужей. Пророки Ілія и Елисей, Предтеча Христовъ Іоаннъ Креститель, всѣ апостолы — жили въ бѣдности и предпочитали ее; Самъ Іисусъ Христосъ облагородилъ и освятить ее, и она, нисколько не унижая христіанина, даже служить для него вѣнцомъ славы. И потому бѣдность должна быть сносима съ благодарностью и даже должна быть желательна.

Сами по себѣ богатство и бѣдность такимъ образомъ не составляютъ ни добра, ни зла, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

¹⁾ На 1 Кор. Вес. XXXIV, 8.

²⁾ На 2 Кор. Вес. XII, 5.

бѣдность даже имѣть свои преимущества. Но все зло зависитъ отъ того, что бѣдность имѣть склонность подчинять бѣдняковъ богатымъ, ставить первыхъ въ зависимость отъ послѣднихъ, и богатые, пользуясь этимъ, въ забвеніи всякаго чувства человѣчности и братства, дѣлаются тиранами для бѣдныхъ, превращаются въ волковъ, расхищающихъ беззащитныхъ агнцевъ. Съ этой стороны противоположность между богатствомъ и бѣдностью уже прямо составляетъ социальное зло, и св. Іоаннъ Златоустъ не смолчалъ въ обличеніи его. Нельзя отрицать того, что онъ неодинаково относился къ богатымъ и бѣднымъ. Насколько онъ становился нѣженъ и любвеобиленъ, когда говорилъ о бѣдныхъ, высказывая имъ самыя сладостныя утѣшенія, настолько его голосъ возвышался до раскатовъ громоваго гнѣва, когда онъ обращался къ тѣмъ, кого считалъ обидчиками и угнетателями бѣдняковъ. Изрѣдка только онъ изображалъ добраго богача, «который платитъ долги несчастныхъ, посѣщаетъ узниковъ»¹⁾; зато, какъ часто изображаетъ онъ дурныхъ и злыхъ богачей! Достаточно прочесть его знаменитыя бесѣды на притчу о богатомъ и Лазарѣ, — этотъ замѣчательнѣйшій образецъ великаго истолковательнаго искусства святителя, — чтобы убѣдиться, насколько симпатіи св. отца склонялись къ Лазарю и насколько безсердечіе богача возбуждало въ немъ праведный гнѣвъ, не мало вліявшій на общую окраску его понятій о богатыхъ²⁾. Неудивительно, что богатые люди не разъ высказывали свое недовольство на проповѣдника и роптали, упрекая его въ пристрастіи къ бѣднякамъ. Отвѣчая на эти упреки, онъ говорилъ: «меня обвиняютъ въ томъ, что я нападаю на богатыхъ; но они сами, развѣ не постоянно (нападаютъ) на бѣдныхъ? Нѣтъ, я нападаю не на богатыхъ, а на тѣхъ, которые злоупотребляютъ своимъ богатствомъ. Не перестану я повторять: я порицаю не богача, а грабителя. А иное дѣло богачъ, иное дѣло — грабитель; иное дѣло богатство, иное дѣло — алчность. Различайте же то, чего не должно смѣшивать. Ты богатъ? — Я не препятствую тебѣ. Ты грабитель? — Я обличаю тебя въ преступленіи. То, чѣмъ ты владѣешь, принадлежитъ тебѣ? Тѣмъ лучше, — ты имѣешь право пользоваться имъ. Но если ты присвоилъ себѣ чужое добро? — Я не смолчу. Ты хочешь меня побить

¹⁾ На Матѣ. въ Бесѣдѣ XXIII.

²⁾ Эти бесѣды см. въ I томѣ „Полнаго собранія твореній св. І. Златоуста“ въ русскомъ переводѣ, Спб. 1895 г.

камнями? Я готовъ отдать мою кровь, если только этимъ помѣшаю тебѣ въ преступности. Что мнѣ ненависть и нападки? Одно только занимаетъ меня: преуслѣбіяніе моихъ слушателей. Если ты врагъ бѣднаго, я обвиняю тебя; но пойми, что жестокость богача гибельнѣе для него самого, чѣмъ для бѣднаго»¹⁾). Уже въ послѣдніе годы своего архипастырства, когда злоба враговъ сплетала терновый вѣнецъ мученичества ему на голову, онъ говорилъ еще: «Мнѣ говорятъ: не перестанешь ли ты нападать на богатыхъ? Опять анаэемы на богатыхъ!» А я отвѣчу вамъ: опять заявляетъ о себѣ ваша жестокость къ бѣднымъ! Вы не перестаете обижать бѣдныхъ—и я не перестаю укорять и порицать васъ. Да и не васъ преслѣдую я, а волка. Если ты не волкъ, я не преслѣдую тебя. Если же ты сдѣлался волкомъ, то самъ себя вини. Я не противъ богатыхъ, знайте это; напротивъ, я за богатыхъ. Я не нападаю на нихъ, а хочу исцѣлить ихъ недугъ»²⁾). Какъ велико было дерзновеніе святителя въ защитѣ бѣдныхъ—отъ хищническаго посягательства богатыхъ и сильныхъ міра сего, показываетъ знаменитый случай, какъ онъ не смугился укорить и даже лишить права вступленія въ церковь саму царицу Евдоксію за то, что она присвоила себѣ виноградникъ одной беззащитной вдовы.

До извѣстныхъ предѣловъ соціально-экономическое неравенство есть такимъ образомъ не только не зло само по себѣ, а есть соціальная необходимость, острыя стороны которой можно смягчать силой права и законности, ограниченіемъ крайняго развитія алчности богатыхъ и сильныхъ міра сего. Но жизнь никогда не удерживается въ предѣлахъ правъ и, вслѣдствіе самой испорченности человѣческой природы, приводитъ наконецъ къ тому соціальному злу, которое называется нищенствомъ, т. е. такимъ состояніемъ, въ которомъ человѣкъ или даже цѣлый классъ лишается всякой возможности производительнымъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе и въ этомъ отношеніи ему остается лишь уповать на милость Божію и на добросердечіе людей. Различныя несчастія, сиротство, болѣзни — все это способствуетъ образованію соціального зла нищенства, и зло настолько является неизбѣжнымъ въ условіяхъ нашего несовершеннаго соціального порядка, что еще не было такого геніальнаго законодателя, мысль котораго осмѣлилась бы

¹⁾ Бесѣда на Евтропія, 3 (печ. въ III томѣ „Полнаго Собранія“).

²⁾ Бесѣда на слова Давида (въ III томѣ „Полн. Собранія“).

стать выше сознанія неизбежности этого зла и Самъ Божественный Спаситель міра сказалъ: «нищихъ всегда имѣте при себѣ». Люди, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ, выброшены движеніемъ соціального механизма изъ колеи правильной общественной жизни и повергнуты въ состояніе нищенства, очевидно несчастны; но въ древности бѣдственность ихъ была еще несравненно тяжелѣе вслѣдствіе того, что древность не знала тѣхъ формъ организованной благотворительности, какія выработались въ новѣйшее время. Жизнь нищихъ въ древности была ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ и голодная смерть производила между ними обильную жатву. Закоснѣвшій въ своемъ эгоизмѣ міръ равнодушно смотрѣлъ на это ужасное бѣдствіе и притча о безсердечномъ богачѣ, беззаботно веселившемся въ то самое время, какъ у воротъ его дома лежалъ больной нищій Лазарь, получавшій скорѣе облегченіе отъ собакъ, чѣмъ отъ ихъ жестокаго господина, представляетъ живую картину положенія нищихъ въ древности. Но если такъ относились къ этой нищей обездоленной братіи сыны міра сего, то совсѣмъ иначе относились великіе проповѣдники церкви Христовой. Они глубоко проникнуты были заповѣдью Христа и любви къ ближнимъ вообще и къ несчастнымъ въ особенности и помнили великую бесѣду о томъ, что въ этихъ убогихъ о нищихъ алчеть и жаждеть Самъ Христосъ, испытующій силу нашего челоуѣколюбія. И вотъ они неустанно возвышали свой голосъ въ пользу милостыни нищей братіи и однимъ изъ величайшихъ проповѣдниковъ милостыни, какъ главнаго средства оказательства христіанской любви, и былъ именно св. Іоаннъ Златоустъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь потрудился надъ разъясненіемъ той мысли, что если есть дѣйствительная сила, способная оказывать противовѣсъ эгоизму и поддерживать равновѣсіе въ соціальномъ порядкѣ, то это есть именно благотворительность или милостыня, какъ наилучшій плодъ христіанскаго челоуѣколюбія. Какъ дивный ходъ звѣздъ поддерживается силой тяготѣнія, космосъ—средствомъ составляющихъ его элементовъ, такъ ту же роль въ отношеніяхъ людей исполняетъ челоуѣколюбіе или милостыня. Она не угрожаетъ собственности, не поглощаетъ индивидуальности, не подавляетъ дѣятельности; она не есть ни хищеніе, ни принужденіе, ни униженіе, а чистая любовь, которая не надмеваетъ ума, а сближаетъ сердца между собой. Въ основѣ ея лежитъ законъ, заключающійся въ немногихъ словахъ: «Люби ближ-

няго твоего какъ самого себя—ради любви Божіей». И дѣйствительно, среди отцовъ церкви IV вѣка нѣтъ еще такого, который бы больше потрудился для проповѣди челоувѣколюбія къ бѣднымъ, чѣмъ св. Іоаннъ Златоустъ. Онъ по-истинѣ есть вдохновенный и неутомимый апостоль милостыни. Рѣдко можно указать такую бесѣду, въ которой бы онъ не прославлялъ эту «царицу добродѣтели», и нельзя не удивляться тому изумительному разнообразію мыслей и образовъ, которые вызываются въ немъ идеей милостыни. Въ образецъ милостынника онъ въ одной бесѣдѣ къ антиохійцамъ ставитъ апостола Іоанна, съ которымъ у него самого, по его словамъ, нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени. Въ дѣйствительности, у него было больше общаго съ нимъ: онъ отличался тѣмъ же именно духомъ любви и милостыни, какимъ преданіе характеризуетъ любимаго ученика Господа Христа. Но переходимъ къ точному изложенію ученія великаго святителя о милостынѣ по его собственнымъ твореніямъ.

Всегда покровитель бѣдныхъ, труждающихся и обремененныхъ, онъ былъ однажды особенно пораженъ ужасомъ открывшейся предъ нимъ картины нищеты и бѣдственности въ своемъ городѣ, и подъ впечатлѣніемъ этой картины, придя въ церковь, произнесъ цѣлую бесѣду о «милостынѣ», которую прямо и началъ изображеніемъ видѣнной имъ бѣдственности и призывомъ къ ея облегченію. Вотъ что онъ говорилъ въ началѣ этой своей бесѣды «О милостынѣ»: «Съ ходатайствомъ праведнымъ, полезнымъ и почетнымъ для васъ предсталъ я сегодня предъ вами: уполномочилъ на него меня не другой кто, а живущіе въ нашемъ городѣ бѣдные, не словами, не голосами или мнѣніемъ общественнаго совѣта, но жалкимъ и самымъ горестнымъ видомъ своимъ. Проходя чрезъ площадь и по улицамъ, и поспѣшая въ ваше собраніе, я видѣлъ много лежащихъ среди дороги людей, изъ которыхъ одни безъ рукъ, другіе безъ глазъ, иные покрыты струпьями и ранами и выставляли на видъ тѣ особенно члены, которые нужно бы закрывать по причинѣ находящагося на нихъ гноя, и почелъ крайне безчелоувѣчнымъ—не сказать о нихъ любви вашей, особенно когда сверхъ сказаннаго (т. е. жалкаго положенія бѣдныхъ) побуждаетъ насъ къ этому и самое время года. Правда, и во вслкое время нужно говорить о милостынѣ, потому что мы и сами имѣемъ великую нужду въ милости создавшаго

насъ Господа; но особенно (это необходимо) въ настоящее время, когда такая большая стужа. Лѣтомъ бѣдные получаютъ великое облегченіе отъ самаго времени года: тогда они безопасно могутъ ходить и нагими, потому что солнечные лучи служатъ для нихъ вмѣсто одежды; они могутъ сидѣть прямо на мостовой и спокойно проводить ночи подъ открытымъ небомъ; не имѣютъ такой нужды ни въ обуви, ни въ винѣ, ни въ большомъ количествѣ пищи, но довольствуются водою изъ источниковъ, насыщаются — одни самыми дешевыми овощами, другіе небольшимъ количествомъ сухихъ сѣмянъ, такъ какъ самое время года предлагаетъ имъ готовую трапезу. А не менѣе этого есть тогда для нихъ и другое облегченіе — въ удобствѣ заниматься работами; въ ихъ то особенно содѣйствию нуждаются и строители домовъ, и воздѣлыватели земли, и плавающие по морямъ. Что для богатыхъ поля, дома и другіе источники доходовъ, то для бѣдныхъ — ихъ собственное тѣло, и весь доходъ ихъ отъ собственныхъ рукъ, а болѣе ни откуда. Такимъ образомъ, лѣтомъ они получаютъ нѣкоторое облегченіе, въ зимнее же время противъ нихъ со всѣхъ сторонъ великая война и двойная осада, потому что внутри голодь сѣдаетъ ихъ утробы, извнѣ стужа сжимаетъ и дѣлаетъ окоченѣлыми тѣло ихъ. Поэтому (зимою) они нуждаются и въ большемъ количествѣ пищи, и въ болѣе теплой одеждѣ, и въ кровлѣ и постели, и обуви, и во многомъ другомъ; а что всего хуже, не имѣютъ возможности заниматься и работами, потому что не позволяетъ время года. — Итакъ, когда у нихъ и наибольшая нужда въ необходимомъ, а сверхъ того нѣтъ и работы, потому что никто ихъ, несчастныхъ, не нанимаетъ и не приглашаетъ въ услуженіе, вотъ мы, взамѣнъ нанимающихся, употребимъ въ дѣло руки милосердія, взявъ въ этомъ дѣлѣ за образецъ Павла, истиннаго покровителя и попечителя бѣдныхъ» ¹⁾).

Этотъ тонъ, взятый св. І. Златоустымъ въ бесѣдѣ, прямо посвященной вопросу о положеніи бѣдныхъ и убогихъ, затѣмъ поддерживается во всѣхъ его твореніяхъ. Помощь бѣднымъ, милостыня, это — любимые предметы любвеобильнаго святителя, и онъ при всякомъ удобномъ случаѣ возвращается къ нимъ. «Ни одинъ еще моралистъ, справедливо говорить

1) См. Бесѣда о милостынѣ въ III т. „Полнаго собранія твореній св. І. Златоуста“ въ русскомъ переводѣ.

такой тонкій критикъ, какъ Вилльманъ, ни одинъ еще ораторъ новѣйшей каеедры никогда не достигалъ такой изумительной живости и неистощимаго обилія (образовъ и мыслей), какими отличается Златоустъ въ этомъ отношеніи. Никто еще не имѣлъ лучше возбуждать въ человѣкѣ сочувствіе къ бѣдственности человѣка, или трогать сердце для возбужденія его къ благотворительности и добродѣтели» ¹⁾. Но у него это не было просто чувствомъ естественной благостности, болѣе или менѣе благоразумнымъ порывомъ доброты, стремящейся возбудить подобное же чувство въ душѣ богача. Нѣтъ, великій святитель могуче дѣйствуетъ и на умъ, стремясь развить или утвердить то убѣжденіе, что человѣколюбіе есть основной долгъ всякаго христіанина, необходимое условіе его спасенія, такъ что благотвореніе его требуется отъ него столько же для его собственнаго блага, какъ и для блага бѣдныхъ, и пренебрегать этою священною обязанностью было бы тоже самое, какъ нечестиво ожесточаться по отношенію къ самому Іисусу Христу, лишать себя неизреченныхъ благъ искупленія.

Было бы почти невозможно передать всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ великій святитель развиваетъ свои мысли о благотвореніи бѣднымъ и о милостынѣ. Это значило бы воспроизвести добрую четверть всѣхъ его твореній. Поэтому мы ограничимся лишь самыми выдающимися мѣстами ²⁾.

Сначала онъ восхваляетъ милостыню и разъясняетъ ея значеніе и превосходство среди другихъ добродѣтелей. И любимый предметъ вызываетъ въ его душѣ цѣлый рой образовъ и мыслей, такъ что святитель является не только проповѣдникомъ, но и вдохновеннымъ поэтомъ. «Милостыня, говорить онъ, дѣлаетъ людей подобными Богу. Ничто не можетъ сравняться съ ея мощію. Это величайшая изъ добродѣтелей. Тѣмъ, кто любитъ ее, она даетъ самое близкое мѣсто рядомъ съ царемъ, и конечно справедливо, потому что дѣвство, постъ, покаяніе служатъ только тѣмъ, кто соблюдаетъ ихъ, а милостыня распространяется на всѣхъ членовъ Іисуса Христа... Она мать человѣколюбія, — той любви, которая есть наилучшее украшеніе христіанъ, знакъ, по которому познаются истинные ученики Евангелія; она есть великое испѣленіе нашихъ грѣховъ, лѣстница, поставленная между небомъ и зем-

1) *Villemain*, Tableau de l'éloquence chrétienne, Chrysostome.

2) Подборъ ихъ см. въ *Oeuvres Complètes*, t. I, p. 203 и сл.

лей, связь, которая сдерживаетъ вмѣстѣ различныя части тѣла Господня» ¹⁾. «Великое и многоцѣнное дѣло, когда человекъ совершаетъ милостыню. Этотъ даръ милостыни значить больше, чѣмъ даръ воскрешать мертвыхъ. Напитать Иисуса Христа, когда Онъ алчетъ, не значить ли это болѣе, чѣмъ извлечь человека изъ гроба во имя Иисуса Христа? Въ первомъ случаѣ ты даешь Богу, во второмъ — принимаешь отъ Него. А награда обѣщана не тѣмъ, кто принимаетъ, а тѣмъ, которые даютъ» ²⁾. — «Давай бѣднымъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и этимъ твой Судья будетъ умилостивленъ. Покаяніе безъ милостыни мертво, или по крайней мѣрѣ оно не имѣетъ крыль, не можетъ летать по высотѣ». «Творить милостыню, это — дѣлать лучшей изъ торговыхъ оборотовъ: тутъ покупаютъ дешево, чтобы продать дорого; ибо что можетъ быть дешевле куска хлѣба или какихъ-нибудь заурядныхъ одеждъ? Между тѣмъ, подавая ихъ ближнему своему, ты продаешь ихъ Богу. Тотъ, кто даетъ займы, желаетъ имѣть залогъ, обезпеченіе. Но гдѣ залогъ у бѣднаго? У него нѣтъ ничего. Гдѣ у него обезпеченіе? — Онъ нагъ и не имѣетъ довѣрія. Посему Богъ, видя бѣднаго въ опасности по причинѣ его нищества и богача — по причинѣ его жестокосердія, становится между ними: бѣдному Онъ предлагаетъ Себя въ качествѣ обезпеченія, богатому въ качествѣ залога. Ты не хочешь одолжить этому человеку, говоритъ Онъ, по причинѣ его бѣдности; въ такомъ случаѣ одолжи Мнѣ, по причинѣ Моего богатства. — Будь, говоритъ, благонадеженъ: Мнѣ займы даешь. Какую пользу получаешь ты, когда даешь займы другимъ? Не на сто ли получаешь одинъ, если ищешь законной лихвы ¹⁾; а если обогащаешься своею алчностью, то соберешь двойной и горькій несправедливый плодъ. Но Я награждаю большимъ твою страсть къ обогащенію. Ты ищешь въ сто разъ меньше, а Я даю тебѣ въ сто разъ больше. Но такъ какъ честный должникъ обыкновенно опредѣляетъ срокъ и назначаетъ день уплаты, то послушай. когда и гдѣ воздастъ тебѣ долгъ Тотъ, кто взялъ у тебя займы чрезъ нищаго. Когда *сядетъ Сынъ Человѣчскій на престолъ славы Своея, и поставитъ овцы одесную Себѣ, а козлища*

¹⁾ На послан. къ Титу, Бес. VI.

²⁾ На 2 Кор, Бес. XVI.

³⁾ На сто драхмъ одна драхма въ мѣсяцъ было узаконеннымъ процентомъ въ древности, т. е. 12¹/₁₀₀ годовыхъ.

ошуюю, и речеть сущимъ одесную Его (здѣсь обрати вниманіе; какъ честно должникъ поступаетъ по отношенію къ заимодавцу, съ какою великою благодарностью выдаетъ взвѣшій займы): *придите благословенни Отца Моего, насладитесь уютованное вамъ царствіе отъ сложенія міра?* За что? За то, что *взалкахся, и дадите Ми ясти; возжадахся, и напоите Мя; нагъ былъ и одѣясте Мя.* И вотъ что, замѣть, удивительно: ни о какой другой добродѣтели не упоминаетъ Онъ, кромѣ дѣлъ милостыни. Хотя и могъ бы сказать: придите благословенни, потому что вы цѣломудренно жили, погому что сохранили дѣвство, избрали евангельское житіе, но умалчиваетъ объ этомъ, не потому, чтобы недостойно было упоминанія, а потому, что эти добродѣтели ниже милосердія. — Итакъ, дадимъ Богу займы милосердіе. Дадимъ займы, чтобы, какъ я сказалъ раньше, сбрѣсти Его должникомъ, а не судіей, потому что должникъ стыдится заимодавца, стыдится и оказываетъ ему почтеніе» ¹⁾. «Есть у тебя оболъ? ²⁾ Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь челоуѣколюбивъ. Нѣтъ у тебя и обола? Подай чашу холодной воды. Дай хлѣбъ—и возьми рай; дай малое—и возьми великое; дай смертное—и возьми безсмертное; дай тлѣнное—и возьми нетлѣнное. Если бъ была ярмарка и на ней продавались дешево и въ большомъ количествѣ съѣстные припасы, и многое можно бы приобрѣсть за малую цѣну, не распродали бы вы имущества и, оставивъ все въ сторонѣ, не приняли ли бы участіе въ этомъ торгѣ? — Дай бѣдному, и пусть самъ ты будешь молчать, тысячи устъ заговорятъ въ защиту тебя, потому что милостыня возстанетъ въ защиту тебя; милостыня есть выкупъ души» ³⁾. «Милостыня есть прекраснѣйшее и почтеннѣйшее изъ занятій; безъ усилія и однимъ простымъ дѣйствіемъ она устроить намъ на небѣ, если мы хотимъ этого, жилище свѣтлое и постоянное ⁴⁾. Она есть жертва чистая и одна изъ совершеннѣйшихъ, какую челоуѣкъ можетъ принести Богу: бѣднякъ есть жертвенникъ, богачъ есть первосвященникъ ⁵⁾.

¹⁾ См. Бесѣды о Покаяніи, Бес VII, 7, въ „Полномъ собраніи Твореній св. І. Златоуста“ т. II, стр. 372 и сл.

²⁾ Самая мелкая монета, грошъ.

³⁾ О Покаяніи т. II, 2, стр. 324, 325.

⁴⁾ На еванг. Матѳея Бес III, 4 и сл

⁵⁾ На 2 Кор. Бес. XX.

Творить милостыню лучше, чѣмъ быть царемъ и носить діа-диму ¹⁾; надежнѣе самой преданной дружбы; тому, кто творить ее, милостыня доставляетъ пріятную и святую радость. Сила ея такова: когда даже дѣло идетъ о грѣшникахъ, то она разрываетъ ихъ узы, изгоняетъ отъ нихъ тьму, погашаетъ огонь подъ ихъ ногами, убиваетъ червя, который должепъ бы съѣдать ихъ; двери неба открываются передъ нею. Когда царица входитъ въ свой дворецъ, никакая стража не спрашиваетъ у нея, кто она или откуда приходитъ, но всѣ челами склоняются при ея прохожденіи; такъ и милостыня, ибо она поистинѣ есть царица, дѣлая человѣка подобнымъ Богу. Подобно златистой голубкѣ, съ пріятными, умильными глазами, она постоянно обращена взорами кверху. Она есть дѣва златокрылая, постоянно стоящая у престола Божія, и когда насъ будутъ судить, она внезапно прилетаетъ и избавляетъ насъ отъ наказанія, прикрывая насъ своими крыльями. Ничто еще такъ не отличаетъ христіанина, какъ милостыня. И невѣрующіе еще ничему такъ не удивляются въ насъ, какъ тому, что мы творимъ милостыню» ²⁾).

Воспѣвъ этотъ высокопоэтическій, поистинѣ восторженный гимнъ «царицѣ добродѣтелей», Златоустый учитель затѣмъ переходитъ къ дальнѣйшему разясненію ея значенія и величія ³⁾).

А. Лопухинъ.

¹⁾ На Матѣ. II, 4.

²⁾ На посл. къ Евреямъ, XXXII, 7.

³⁾ Окончаніе будетъ.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ,

какъ проповѣдникъ человѣколюбія и милостыни ¹⁾).

ЗЛАТОУСТЫЙ проповѣдникъ не ограничивается прославленіемъ милостыни: онъ выясняетъ нашъ долгъ къ ней, выводя его въ одно и то же время изъ самой заповѣди о человѣколюбіи, объемлющей всѣ другія заповѣди, изъ личной пользы богача, для котораго она составляетъ самое вѣрное средство умилостивить Бога, изъ любви, которую христіанинъ долженъ питать къ своему Спасителю, содѣлавшемуся бѣднымъ ради насъ, страдающему бѣднымъ, алчущему и жаждущему въ лицѣ бѣдныхъ, какъ равнымъ образомъ изъ основныхъ, установленныхъ Промысломъ законовъ самаго общества. Напрасно, повторяетъ онъ вмѣстѣ съ другими отцами церкви, ты соблюдаешь заповѣди и исполняешь самыя возвышенныя добродѣтели: безъ человѣколюбія все тщетно. Напрасно ты съ рвеніемъ призываешь небо, присоединяя моленія къ моленіямъ: молитва не восходитъ къ небу иначе, какъ въ сопровожденіи милостыни. Бѣдные, часто говоритъ онъ, меньше нуждаются въ богатѣ, чѣмъ богачъ въ нихъ. Они суть лекарство для души. Черезъ нихъ богатство становится средствомъ достиженія нравственности, золото открываетъ врата къ небу, мы накапливаемъ сокровища, хотя повидимому бѣднѣемъ. Они превосходные ходатаи за насъ предъ Иисусомъ Христомъ. Какъ часто и съ какимъ рвеніемъ св. Златоустъ раскрываетъ эти мысли, истолковывая слова евангелія: «пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ міра сего» или слова св. ап. Павла: «не забываете любви». Съ какимъ поразительнымъ краснорѣчіемъ говоритъ

¹⁾ См. „Христ. Чтеніе“ I вып. за наст. годъ

онъ, объясняя, какъ самъ Спаситель протягиваетъ къ намъ руку за подаваніемъ въ лицѣ бѣдныхъ. «Ни Иисусъ Христосъ, восклицаетъ онъ, ни тѣ, кто отъ Иисуса Христа, не возвращаютъ насъ отъ дѣлъ вѣка сего, по подобно змѣямъ, ехиднамъ и свиньямъ мы валяемся въ грязи; чѣмъ мы лучше этихъ животныхъ, когда мы, имѣя предъ своими глазами такіе примѣры великіе, всегда остаемся склоненными къ землѣ, не поднимая взора къ небу? Богъ предалъ (за тебя) своего Сына, а ты не даешь и куска хлѣба этому Сыну, который былъ преданъ и закланъ за тебя? Отецъ безъ колебанія предалъ Его за тебя, хотя Онъ былъ истинно Его Сынъ, а ты оставляешь умирать Его съ голода, хотя даже и то, что бы ты далъ Ему, происходитъ отъ Него, и ты далъ бы это ради твоей собственной пользы. Можетъ ли быть нечестіе больше этого? Онъ распятъ ради тебя, Онъ умеръ за тебя, Онъ терпитъ голодъ ради тебя; ты далъ бы Ему только то, что принадлежитъ Ему и притомъ ради твоей собственной пользы, и ты отказываешься дать это? Не жестче ли камня тѣ, которые, увлекаемые столькими побужденіями быть добрыми, продолжаютъ упорствовать въ этомъ дѣвольскомъ безчеловѣчїи? Для Иисуса Христа недостаточно того, что Онъ умеръ на позорномъ дровѣ: Онъ хочетъ быть бѣднымъ, нагимъ, странникомъ, Онъ хочетъ быть узникомъ и больнымъ, чтобы прїобрѣсть тебя по крайней мѣрѣ этимъ. Если ты, говоритъ Онъ, не отзываясь на Мою любовь, то сжался надъ Моею бѣдностью. Если ты нечувствителенъ къ Моей бѣдности, не будь такимъ къ Моимъ болѣзнямъ и къ Моей темницѣ. Если бѣдствія, которыя терплю Я, не могутъ смягчить твоего сердца, поразсуди, какъ малаго Я требую, и не отказывай. Я не требую отъ тебя какой-нибудь чрезмѣрной щедрости, а только хлѣба, крова, утѣшенія въ нѣсколькихъ словахъ. Если ты все еще безжалостенъ, то сдѣлайся человѣчнѣе при мысли о царствѣ небесномъ, о наградахъ, которыя обѣщаю Я. Если все это не дѣйствуетъ на тебя, то сжался при видѣ Меня нагимъ, припоминая Мою наготу на крестѣ. Я былъ нагъ, и нагъ еще и теперь; Я былъ узникомъ, и таковъ еще и теперь. Пусть то или другое состояніе подѣйствуетъ на твою душу. Ради тебя терпѣлъ Я голодъ, и терплю его еще и теперь. Я жаждалъ на Голгоуѣ, и жажду въ лицѣ бѣдныхъ, дабы Мои прошлыя бѣдствія и бѣдствія настоящія привлекли тебя ко Мнѣ и умилосердили тебя ради твоего же собственнаго спасенія. Хотя бы ты обя-

занъ былъ Мнѣ тысячью благодѣяній. Я не долга требую отъ тебя а вѣнецъ предлагаю тебѣ: Я обѣщаю тебѣ небо за скромную милостыню. Я не говорю тебѣ: избавь Меня отъ бѣдности, отдай мнѣ твои богатства, хотя Я и бѣденъ, то ради тебя; Я прошу у тебя только немного хлѣба, одежды, пособія въ своей бѣдственности. Будучи узникомъ, Я не прошу тебя разбить Мои оковы, но посѣтить того, кто связанъ ради тебя; Я удовольствуюсь этимъ благодѣяніемъ, за которое обѣщаю тебѣ небо. Я разрушилъ твои цѣпи, самыя тяжелыя изъ цѣпей; взаменъ этого Мнѣ достаточно, если ты придешь посѣтить Меня въ темницѣ. Я могъ бы и безъ всего этого увѣнчать тебя, но Я хочу быть твоимъ должникомъ, дабы, получая вѣнецъ, ты имѣлъ удовлетвореніе въ томъ, что онъ заслуженъ тобою. Вотъ почему, самъ имѣя возможность питать Себя, Я выпрашиваю Себѣ пропитаніе. Вотъ почему Я стою у твоихъ дверей, протягиваю руку и прошу помочь Мнѣ, ибо Я люблю тебя. Я люблю столъ, какъ это въ обычаѣ у друзей; Я отлагаю Мою славу, чтобы принять отъ тебя Свой хлѣбъ; скажу передъ всей землей, возвѣщу всѣмъ людямъ, что ты именно утолилъ Мой голодь. Мы стыдимся жить на счетъ другихъ; мы скрываемъ то благодѣяніе, которое получено нами. Иисусъ Христосъ, напротивъ, любить насъ настолько, что когда даже мы тайно подаемъ милостыню, Онъ повсюду возвѣщаетъ о ней съ великими похвалами и не стыдится сказать, что Онъ былъ нагъ и мы одѣли Его, былъ голоденъ и мы напители Его» ¹⁾).

Эти восторженные слова Златоустаго проповѣдника милостыни вызвали громъ рукоплесканій со стороны слушателей. Но проповѣднику не нужны эти рукоплесканія. «Къ чему мнѣ, — восклицаетъ онъ, — эти крики и весь этотъ шумъ? Одного только прошу я у васъ—примѣра добрыхъ дѣлъ, вашей внимательности, доказываемой дѣлами. Вотъ что будетъ мнѣ похвалою и моимъ приобрѣтеніемъ! Вотъ что для меня лучше прекраснѣйшей діадимы. Постараемся же получить эту діадиму отъ руки бѣдныхъ» ²⁾).

Трудно было бы употребить еще больше краснорѣчія въ пользу дѣла челоуѣколюбія и милостыни бѣднымъ, но св. Златоустъ идетъ еще дальше. Милостыня, по его воззрѣнію,

¹⁾ На посл. къ римл., бес. XV, на ст. 39 (у Миши т. IX, ст. 547. 48)

²⁾ Тамъ же, въ концѣ бесѣды

не только есть заповѣдь евангельская: она есть требованіе закона общественнаго. вмѣстѣ съ другими великими отцами церкви—св. Амвросіемъ медіоланскимъ, св. Василиемъ Великимъ, св. Кипріаномъ, блаж. Іеронимомъ и многими другими отцами и учителями онъ учитъ, что богатый человѣкъ есть скорѣе управитель, чѣмъ господинъ своего богатства, что обращать его исключительно въ свою личную пользу, безъ всякаго попеченія о находящихся въ нуждѣ ближнихъ, означало бы съ его стороны преступное уклоненіе отъ долга и было бы воровствомъ ¹⁾. Конечно, это выраженіе надо понимать такъ именно, какъ только оно и можетъ быть понимаемо—въ смыслѣ нравственномъ. Безъ сомнѣнія, по воззрѣнію св. Іоанна Златоуста, какъ и другихъ отцовъ церкви, человѣчeskій родъ есть одна большая семья, общій отецъ которой есть Богъ, давшій ей землю въ наслѣдственное владѣніе. Съ одной стороны, между людьми, какъ между членами одной семьи, существуетъ взаимность нуждъ и услугъ, такъ что никто не можетъ обойтись безъ помощи другихъ и никто не можетъ быть чуждымъ для другихъ. Съ другой стороны, если Отецъ небесный благоволить, чтобы общее наслѣдіе было неравномѣрно распределено между нами, то это для того, чтобы дать возможность для наиболѣе облагодѣтельствованныхъ участвовать въ дѣлѣ Промышленія и направлять благодѣянія туда, гдѣ въ нихъ чувствуется особая нужда. Такимъ образомъ, раздѣленіе человѣчества на отдѣльные народы, распределеніе земли между собственниками находить себѣ противовѣсъ въ челоѣколюбіи, которое, не смотря на всѣ разности по происхожденію и состоянію, должно постепенно приводить всѣхъ къ единенію. И весь тонъ христіанства, съ его заповѣдью о любви, съ его ученіемъ объ искупленіи всего человѣчества безгрѣшною кровью Іисуса Христа, направляется къ водворенію этого именно единства, скрѣпляемаго идеей совершеннѣйшаго единства между Богомъ-Отцомъ и Богомъ-Сыномъ, какъ о томъ бож. Искупитель молился въ тягчайшій часъ своей душевной муки, восклицая: «Отче, прошу, да будутъ всѣ едино, какъ Мы

¹⁾ Мнѣнія отцовъ и учителей церкви, въ этомъ отношеніи смотри въ слѣдующихъ твореніяхъ. св. Кипріана, *De oper. et elemos.* св. *Василія Великаго* въ бесѣдѣ о богатствѣ, а также въ бесѣдѣ объ алчности (Париж. изданіе 1638, т. I, р. 337, 328); бл. *Августина* in Ps. 147, n. 12; св. *Григорія Богослова*, *Orat. XIV*; св. *Астерія*, бес. о Лазарѣ; бл. *Іеронима*, *Ерр.* 49 и 54; св. *Григорія Нисскаго*. О бѣдн. и благотвор. *Orat. I.*

едино». Единство не только по происхожденію, но единство по духу и сердцу, единство по челоуѣколюбію, единство въ Іисусѣ Христв, который и есть воплощеніе любви, — вотъ цѣль христіанства, — а средствомъ къ его достиженію въ предѣлахъ челоуѣческой возможности, служить стремленіе всѣхъ членовъ христіанской церкви къ благу каждаго нуждающагося посредствомъ милостыни, которая есть важное проявленіе братской любви. Челоуѣколюбіе, общеніе душъ—это есть также общеніе соціальное; всѣ складываютъ въ эту великую сокровищницу и всѣ черпаютъ изъ нея—какъ бѣдный, такъ и богатый; всѣ живутъ ею, и тотъ, кто по своему эгоизму уклоняется отъ этого великаго общенія, тотъ одинаково есть врагъ Бога, общества и самого себя.

Но челоуѣколюбіе, возлагая обязанности на всѣхъ, не создаетъ никому какихъ-либо личныхъ правъ. Спасеніе богача обусловливается добрымъ употребленіемъ богатства, а спасеніе бѣдняка добрымъ употребленіемъ его бѣдности, и какъ одинъ долженъ освящать свое богатство милостыней, такъ другой долженъ освящать свою бѣдность упованіемъ на милость Божію. Пріучать бѣдняковъ, лишенныхъ земныхъ благъ, любить свою наготу для св. І. Златоуста казалось дѣломъ столь же важнымъ, какъ и научать богатыхъ не привязываться къ земнымъ благамъ и служить челоуѣколюбію. Но предъ лицомъ вопіющихъ ненормальностей въ соціальномъ строѣ своего полухристіанскаго времени, предъ лицомъ страшной бѣдственности современнаго ему пролетаріата, онъ нерѣдко возвышалъ свой голосъ до суровыхъ тоновъ негодованія и обличенія этой неправды. Чего нельзя достигнуть простымъ чувствомъ жалости, онъ старается достигнуть силой логическаго убѣжденія, и то и дѣло напоминалъ своимъ слушателямъ, что богатство въ рукахъ богатаго есть лишь залогъ, порученный ему для храненія подъ условіемъ спроса отчета въ его истинно-христіанскомъ употребленіи¹⁾. Это не значитъ конечно, что собственность, по его воззрѣнію, не была опредѣленнымъ, неотъемлемымъ правомъ, или что онъ возставалъ противъ коренной основы соціальнаго строя, покоющагося на правѣ собственности. Онъ не разъ дѣломъ показывалъ, какъ священно было въ его глазахъ это коренное право общежитія, когда

¹⁾ См. 1 и 2 бесѣды о Лазарѣ въ I томѣ „Полнаго собранія твореній св. І. Златоуста“,

онъ напр. въ защиту собственности бѣдной вдовы не остановился предъ строгимъ укоромъ самой царицѣ Евдокіи. Онъ хотѣлъ только внушить богачу то убѣжденіе, 'что его богатство, какъ бы оно ни всецѣло принадлежало ему по праву собственности, не исполняетъ своего глубочайшаго назначенія, когда оно перестаетъ быть источникомъ пособия нуждающимся, — того назначенія, которымъ безмолвно обусловлено божеств. Промысломъ самое право собственности при его первоначальномъ установленіи, такъ что пренебреженіе этимъ условіемъ означаетъ противленіе высшему закону Божію, неисполненіе принятаго на себя обязательства и въ извѣстномъ смыслѣ — воровство. Это глубочайшее назначеніе собственности и находитъ себѣ выраженіе въ милостынѣ. Но если она составляетъ долгъ богача, то это еще не значитъ, что она даетъ извѣстное право бѣдняку, и высочайшій собственникъ, Владыка неба и земли, оставилъ за Собою право устанавливать условія истиннаго употребленія богатствъ'. Переводя языкъ св. І. Златоуста на обыденные термины, можно бы сказать, что собственность по нему есть своего рода наследственная и неотъемлемая аренда, обезпеченная за родомъ того, кто ее законно приобрѣлъ, но подъ извѣстными условіями — оказанія помощи страждущимъ членамъ общества, такъ что милостыня есть какъ бы та арендная плата, которую владѣтель обязанъ уплачивать за свое пользованіе достояніемъ божественнаго Владѣльца, и уклоненіе отъ исполненія этого обязательства не только есть жестокосердіе къ бѣдствующимъ братьямъ, но и преступленіе предъ Богомъ, посягательство на самую сущность собственности, нравственный смыслъ которой подрывается нашимъ нарушеніемъ обязательства, хотя такое посягательство, за которое никто на землѣ — ни отдѣльные люди, ни общество не могутъ преслѣдовать, потому что единственный полноправный судья въ этомъ дѣлѣ есть самъ Богъ, какъ высочайшій Владѣлецъ этого достоянія ¹⁾).

¹⁾ Мысль эта неоднократно развивалась и новѣйшими христіанскими проповѣдниками, и напр. Бурдалу прямо говорилъ: „Богатства, которыми вы владѣете, не ваши въ собственномъ смыслѣ; вы по отношенію къ Богу суть только хранители и распорядители ихъ; вы должны будете отдать въ нихъ отчетъ въ день оный; въ силу необходимаго обязательства милостыни, вы состоите въ обязательныхъ отношеніяхъ къ бѣднымъ“. И въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „Богъ есть верховный владѣлецъ вашихъ имѣній, Онъ есть господинъ, даже безусловно истинный Собственникъ, и по сравненію съ Нимъ вы въ лучшемъ смыслѣ только экономы и приставники: объ этомъ свидѣлствуютъ и разумъ и

«Не удѣлять изъ своего имущества, говорить св. Іоаннъ Златоустъ, есть похищеніе—воровство. Можетъ быть слова мои кажутся вамъ удивительными; но не удивляйтесь. Я представляю вамъ изъ божественныхъ Писаній свидѣтельство о томъ, что не только похищать чужое, но и не удѣлять изъ своего другимъ означаетъ хищеніе, и любостыжаніе, и отнятіе. Какое же это свидѣтельство? Укоряя іудеевъ, Богъ чрезъ пророка говоритъ: земля принесла плоды свои, и вы не внесли десятины; похищенное у бѣднаго — въ домахъ вашихъ (Малах. III, 10). Такъ какъ вы, говорить, не дали обычныхъ приношеній, то похитили собственность бѣднаго. Этими словами онъ внушаетъ богатымъ, что они владѣютъ собственностью бѣдныхъ, хотя бы получили отцовское наследство, хотя бы собрали богатство какимъ-нибудь другимъ способомъ. И еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «живота нища не лиши» (Сир. IV, 1), а лишающій—отнимаетъ чужое, потому что отнятіемъ называется то, когда мы беремъ и удерживаемъ у себя чужое. Итакъ изъ этого мы научаемся, что, когда мы не подаемъ милостыни, то будемъ наказаны наравнѣ съ похитителями. Это имущества Господни, откуда бы мы ихъ ни собрали; и если мы удѣлимъ изъ нихъ бѣднымъ, то приобрѣтемъ великое богатство. Богъ попустилъ тебѣ имѣть больше другихъ не для того, чтобы ты тратилъ на блудодѣяніе, и пьянство, и пресыщеніе, и дорогія одежды, и на другіе предметы роскоши, но для того, чтобы ты удѣлялъ нуждающимся. Какъ казнохранитель, получившій царскія деньги, если не раздастъ ихъ, кому приказано, а истратитъ на собственную прихоть, подвергается наказанію и гибели; такъ и богачъ есть какъ бы пріемщикъ денегъ, слѣдующихъ къ раздачѣ бѣднымъ, получившій повелѣніе раздѣлить ихъ нуждающимся изъ его сослужителей; посему, если онъ истра-

---

въра. А если ваши имѣнія принадлежатъ Богу по праву господства, то вы обязаны платить Ему дань, отдавать отчетъ, и такъ какъ Ему принадлежатъ эта собственность, то Ему надлежитъ пользоваться ея плодами. Что же дѣлаетъ Богъ? Онъ назначаетъ эту дань и эти плоды на поддержаніе бѣдныхъ, т. е. вмѣсто того, чтобы требовать эту дань для самого Себя, что не соотвѣтствовало бы Его величію, Онъ требуетъ ея чрезъ посредство бѣдныхъ. Подобно тому, какъ милостыня по отношенію къ бѣдному есть долгъ челоуѣколюбія и милосердія, она по отношенію къ Богу есть долгъ зависимости и подчиненія. Богачъ, отказывающій бѣдному въ милостыню, есть мятежный рабъ, отказывающій въ дань своему господину, надменный вассалъ, который въ духѣ непокорности не хочетъ признавать своего господина“ См. *Bourdalone, Sermons* на четвергъ 2-й недѣли поста, часть 2-я; на 1 ю пятницу вел поста часть 1-я.

титъ на себя сколько-нибудь сверхъ необходимой нужды, то подвергнется тамъ жесточайшей отвѣтственности; потому что имущество его принадлежитъ не ему собственно, но его сослужителямъ. Будемъ же беречь имущество какъ чужое, чтобы оно стало нашимъ. Какъ же такъ беречь его, какъ чужое? Если будемъ тратить его не на излишнія надобности, и не свои только, но и удѣлять въ руки бѣдныхъ; если ты богатъ, но тратишь сверхъ нужды, то ты дашь отчетъ во ввѣренныхъ тебѣ деньгахъ. Это бываетъ и въ домахъ вельможъ; многие ввѣряютъ свои сокровища слугамъ своимъ; а получившіе беречь ввѣренное имъ и не злоупотребляютъ сокровищами, но раздаютъ ихъ, кому и когда прикажетъ господинъ. Такъ поступай и ты, ибо не для того ты получилъ и принялъ больше другихъ, чтобы истрачивать одному, но чтобы и для другихъ ты былъ хорошимъ домоправителемъ» ¹⁾).

Истина этихъ положеній во всей силѣ сказывается, когда богачъ и бѣднякъ отходятъ въ ту страну, гдѣ всѣмъ уготовано справедливое возмездіе—по дѣламъ каждаго. Это съ поразительною ясностью изображено въ заgrabной судьбѣ евангельскихъ богача и Лазаря. «*Бысть же умрети имъ. Умеръ богачъ, и былъ похороненъ; отошелъ и Лазарь; не скажу: умеръ; потому что смерть богача была дѣйствительно смертію и погребеніемъ, а смерть бѣднаго—отшествіемъ и преставленіемъ къ лучшему, переходомъ съ поприща борьбы къ наградамъ, изъ моря въ пристань, отъ сраженія къ торжеству, отъ подвиговъ къ вѣнцу. Отошли оба туда, гдѣ предметы имѣютъ истинный видъ; театръ закрылся и маски сняты. На здѣшнемъ театрѣ въ самый полдень употребляются завѣсы, и многіе являются на сценѣ въ чужомъ видѣ и съ масками на лицѣ, пересказываютъ старую басню и повѣствуютъ о какихъ-нибудь дѣлахъ; иной представляется философомъ, не будучи философомъ; иной царемъ, не будучи царемъ, но только имѣя видъ царя—по содержанію басни; иной—врачемъ, не умѣя управиться и съ деревомъ, но только надѣвши платье врача; иной—работомъ, будучи свободнымъ; иной учителемъ, не зная и грамоты; представляются не тѣмъ, что они суть на самомъ дѣлѣ, а что они дѣйствительно. тѣмъ не показываются; показывается*

¹⁾ См. II-е слово о Лазарѣ (4 и 5) въ I томѣ „Полнаго Собранія“, стр. 796 и 797.

врачемъ тотъ, кто вовсе не врачъ; показывается философомъ тотъ, кто только на маскѣ имѣеть такую прическу; показывается вопиомъ тотъ, у кого только платье воина; но какъ ни обманчивъ видъ маски, онъ не измѣняетъ природы, дѣйствительность которой извращаетъ; маски держатся, пока увеселяющіеся сидятъ (въ театрѣ); но когда наступитъ вечеръ, театръ закроется, и всѣ разойдутся, тогда маски сбрасываются, и кто въ театрѣ представлялся царемъ, внѣ его оказывается мѣдникомъ; маски сброшены, обманъ прошелъ, открылась истина; и оказывается внѣ театра рабомъ, кто внутри его представлялся свободнымъ; внутри (театра), какъ я сказалъ, обманъ, а внѣ—истина; насталь вечеръ, кончилось зрѣлище—и открылась истина. Такъ и въ жизни и при кончинѣ. Настоящее — театръ; здѣшніе предметы—обманчивая виѣшность, и богатство и бѣдность, и власть и подвластность, и тому подобное; а когда кончится тотъ день, наступаетъ ночь для грѣшниковъ, а день для праведниковъ; когда закроется театръ, когда обманчивые виды будутъ отброшены; когда будетъ судимъ каждый своими дѣлами,—не съ богатствомъ своимъ, не съ властію своею, не съ почестями и могуществомъ своими, но каждый съ дѣлами своими—и начальникъ и царь, и женщина и мужчина; когда (Судія) спроситъ насъ о жизни и добрыхъ дѣлахъ, а не о важности званій, не о низкомъ состояніи бѣдности, не о высокомъ состояніи надменности (и скажетъ): подай Мнѣ дѣла, хотя ты и былъ рабъ, лучшія, чѣмъ у свободнаго; хотя ты была женщиною, болѣе мужественныя, чѣмъ у мужчины; когда отброшены будутъ обманчивыя виѣшности; тогда обнаружится и богатый и бѣдный. И какъ здѣсь, по окончаніи театра, иной изъ сидѣвшихъ вверху, увидѣвъ въ театральномъ философѣ мѣдника, говоритъ: о! не былъ ли этотъ въ театрѣ философомъ? а теперь вижу его мѣдникомъ. Этотъ не былъ ли тамъ царемъ? а здѣсь вижу въ немъ какого-то низкаго человѣка. Этотъ не былъ ли тамъ богачемъ? а здѣсь вижу его бѣднымъ; такъ будетъ и тамъ... Итакъ этотъ богачъ сталъ бѣднымъ, или лучше—былъ бѣденъ и тогда, когда былъ богатъ. Ибо что пользы человѣку, если онъ имѣеть чужое, а своего не имѣеть? Что пользы человѣку приобрѣтать деньги, и не приобрѣтать добродѣтели? Я имѣю, скажешь ты, зсмію плодоносную. Что же такое? Но не имѣешь души плодоносной. Имѣешь рабовъ? Но не имѣешь добродѣтели! Имѣешь одежды? Но не приобрѣлъ

благочестія! Чужое имѣешь, а своего не имѣешь. Если бы кто ввѣрилъ тебѣ залогъ, развѣ я могъ бы назвать тебя богатымъ? Никакъ. Почему? Потому, что ты владѣешь чужимъ; потому, что это—залогъ; и о, если бы это было только залогомъ, а не прибавленіемъ къ твоему наказанію!»¹⁾.

При всемъ изумительномъ разнообразіи проповѣдническихъ разъясненій и разсужденій, въ основѣ ихъ лежитъ все одна и та же мысль. Земля принадлежит Богу, Онъ есть ея верховный собственникъ. Если Онъ и соизволилъ, чтобы люди подѣлили ее между собою и съ высоты Синая призналъ право собственности, постановивъ заповѣдь: *не укради*, однако остается непреложной та истина, что предъ Его очами законный владѣлецъ какой-либо части земли есть только приставникъ, арендаторъ. Условіемъ этого права приставничества является требованіе помощи бѣднымъ. Верховный Владѣтель всего и всѣхъ предназначаетъ часть изъ имѣнія богача въ помощь бѣднымъ, и не создавая отсюда права послѣднихъ, Онъ ставитъ это въ обязанность первому. Подавать милостыню значитъ исполнять эту обязанность, или уплачивать долгъ верховному Владыкѣ; уклоняться отъ этой обязанности, значитъ не погашать своего долга, быть невѣрнымъ приставникомъ, не потому, чтобы бѣднякъ можегъ бы требовать хотя оволь изъ имѣній богача, или что милостыня есть что-нибудь другое кромѣ именно милостыни въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ добровольнаго подаянія, но потому, что богачъ долженъ Богу то, что онъ даетъ бѣдному; не отдавая этого долга этимъ самымъ онъ нарушаетъ права Бога. Подъ различными формами выраженія Златоустый святитель постоянно высказываетъ эту мысль, напоминая богачу, что онъ получилъ свыше почетное порученіе быть благотворителемъ своихъ братьевъ, быть приставникомъ самого Промыслителя на землѣ. И развѣ обидно для богача если называть его экономомъ Божиимъ, распорядителемъ Его благъ? И такъ какъ мы быстро проходимъ по этой землѣ и ничего не можемъ взять съ собою изъ міра сего при его оставленіи, кромѣ своей наготы, то поистинѣ какая собственность можетъ быть наиболѣе надежной, какъ не временное приставничество? Богъ, давая намъ свои блага какъ средство для дѣлъ чловѣколюбія, накажетъ за себялю-

¹⁾ См. VI бес. о Лазарѣ, 5 и 8, „Полное Собрание“ I т. стр. 847 851 и 852.

бивое пользованіе этими благами какъ за противленіе Его высшмъ намѣреніемъ и какъ за преступное уклоненіе отъ истиннаго долга.

Понятно, что такія, постоянно и настойчиво развиваемыя мысли объ обязательныхъ отношеніяхъ богатыхъ людей къ бѣднякамъ не могли не возбуждать недовольства и даже протестовъ со стороны жестокосердыхъ богачей, которые невольно чувствовали невѣрность своему долгу. Поэтому они старались оправдываться и даже возражали проповѣднику, что сами бѣдные не всегда настолько заслуживаютъ сочувствія, насколько требуетъ его къ нимъ Златоустый учитель. Такъ, въ оправданіе себя жестокосердые богачи говорили, что бѣдняки не заслуживаютъ сочувствія вслѣдствіе своего недостойнаго поведенія, что ихъ нравственныя язвы даже еще хуже физическихъ. Свою бѣдность, освященную самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, они позорятъ лѣнностью, буйствомъ, чревоугодіемъ, бродяжничествомъ, презрѣніемъ къ законамъ Божиимъ и самыми гнусными пороками. Можно было видѣть, какъ они, лежа у дверей церковныхъ, на площадяхъ, на общественныхъ галлереяхъ, притворялись, что ужасно страдаютъ отъ болѣзней, которыхъ въ дѣйствительности не было, выставляли на ногахъ раны, надѣланныя намѣренно самими же, предавались самымъ гнуснымъ плутовствамъ и уловкамъ и даже производили искусственныя уродства, ослѣпляли собственныхъ дѣтей, чтобы посредствомъ ихъ возбуждать жалость въ людяхъ и склонять къ подаванію. Въ этихъ обвиненіяхъ, конечно, было много горькой правды, потому что дѣйствительно нищенство какъ теперь, такъ и особенно въ древности производило свои горькіе плоды въ пониженіи нравственности народа. Не отрицалъ этого и великій защитникъ бѣдныхъ св. Юаннъ Златоустъ, и самъ неоднократно обличалъ эту порочность бѣдняковъ. Но онъ смотрѣлъ глубже на дѣло, и ясно видѣлъ, что самая порочность бѣдняковъ есть только отраженіе порочности богатыхъ, есть плодъ ихъ эгоизма и жестокосердія.

Прежде всего самое желаніе скорѣе рыться въ совѣсти бѣдняка съ цѣлію отыскать въ его жизни какіе-нибудь пороки и недостатки, чѣмъ помогать ему, свидѣтельствуетъ о неискренности расположенія къ милостынѣ. Между тѣмъ, говоритъ святитель, истинный благодотворитель «долженъ не жизнь бѣднаго изслѣдовать, но помочь бѣдности и удовлетво-

рять нуждѣ. Одно оправданіе у бѣднаго — недостатокъ и нужда; ничего больше не спрашивай у него; но если онъ, хотя бы былъ порочнѣе всѣхъ, нуждается въ необходимой пищѣ, утолимъ голодъ его. Такъ поступать повелѣлъ и Христосъ: *будите, говорилъ Онъ, подобни Отцу вашему, иже есть на небесахъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. V, 45). Милосердіе есть пристань для нуждающихся, а пристань принимаетъ всѣхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и спасаетъ отъ опасностей; злые ли, или добрые, или кто бы ни были тѣ, которые находятся въ опасности, она принимаетъ ихъ въ свои объятія. Такъ и ты, видя человѣка подвергшагося на землѣ кораблекрушенію бѣдности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь отъ несчастія. Для чего ты берешь на себя лишніе труды? Богъ освободилъ тебя отъ всякой заботы и безпокойства. Сколько стали бы многіе говорить и негодовать, если бы Богъ повелѣлъ — сперва съ точностію развѣдывать жизнь, разузнавать поведеніе и поступки каждаго, и потомъ уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены отъ всякаго такого затрудненія. Для чего же мы сами навлекаемъ на себя излишнія заботы? Иное — судія, иное — податель милостыни. Милостыня потому и называется такъ, что мы подаемъ ее и недостойнымъ. Такъ поступать увѣщеваетъ и Павелъ: *доброе же творяще, говоритъ онъ, да не стужаемъ си, ко вѣзмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ* (Гал. VI, 9. 10). Если мы станемъ расспрашивать и развѣдывать о недостойныхъ, то и достойные не скоро попадутся намъ; а если будемъ подавать и недостойнымъ, то и достойные и подобные всѣмъ имъ попадутъ въ наши руки, какъ и случилось съ блаженнымъ Авраамомъ, который, не спрашивая и не развѣдывая о проходящихъ, сподобился принять нѣкогда и ангеловъ. Будемъ же и мы подражать ему, а съ нимъ и потомуку его Іову; ибо и этотъ со всею точностію подражалъ великодушію предка, и потому говорилъ: *зверь моя всякому приходящему отверста бѣ* (Іов. XXXI, 32); не для такого-то открыта, а для другого затворена, но для всѣхъ вообще была открыта. Такъ, увѣщевая, будемъ дѣлать и мы, ничего не развѣдывая сверхъ надлежащаго. Достоинство бѣднаго составляетъ одна нужда; кто бы когда ни пришелъ къ намъ съ нею, не станемъ ничего изслѣдовать болѣе; потому что мы подаемъ не праву, а человѣку, и жалѣемъ его не за добро-

дѣтель, а за несчастіе, чтобы и самимъ намъ привлечь на себя великую милость отъ Господа, чтобы и самимъ намъ, недостойнымъ, сподобиться Его человѣколюбія. Если же мы станемъ въ сослужителяхъ нашихъ отыскивать и изслѣдовать достоинства, то и съ нами Богъ сдѣлаетъ тоже; и стараясь истребовать отчетъ отъ равныхъ намъ рабовъ, сами лишимся вышняго человѣколюбія. *Имже бо, говорить Господь, судомъ судите, судятъ вамъ*» (Матѣ. VІІ, 2) ¹⁾.

Такъ какъ богачи съ особенною настойчивостью приводили въ оправданіе себя возмутительную лѣность и притворство бѣдныхъ, то и Златоустъ въ свою очередь особенно останавливался на этомъ предметѣ. Онъ конечно не одобрялъ бѣдняковъ въ этомъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво показывалъ, что такое возраженіе отнюдь не подрываетъ самой обязанности милостыни. «Этотъ несчастный, говоришь ты, притворяется, что онъ холоденъ и боленъ. — И ты не боишься, что громъ поразитъ тебя въ тотъ самый моментъ, какъ ты произносишь это слово? Я пылаю негодованіемъ. Извини меня. Ты, дающій своему чреву все, что ему угодно, ты отолстѣвшій и ожирѣвшій, до самой ночи продолжающій свои оргіи, растягивающійся на мягкихъ коврахъ, — неужели ты думаешь, что Богъ оставитъ безнаказаннымъ такое злоупотребленіе его дарами? Вино дано намъ не для того, чтобы опьяняться имъ, или пищевые продукты, чтобы услаждать наше чревоугодіе. У этого бѣдняка, этого несчастнаго, состояніе котораго не лучше мертвеца, ты требуешь строгаго отчета въ его поведеніи и самъ не боишься страшнаго судилища Іисуса Христа. Вѣдь если бѣднякъ и притворяется, то онъ побуждается къ этому своимъ ужаснымъ положеніемъ, твоимъ жестокосердіемъ, которое дѣлаетъ это притворство необходимымъ, твоею грубостью, которой нельзя пронять. Въ самомъ дѣлѣ, какой человѣкъ, не побуждаемый нуждой, сталъ бы унижаться такъ изъ-за куска хлѣба? Его притворство изобличаетъ твою безчеловѣчность. Быть можетъ потому именно, что ты уже видѣлъ его молитвы, его воздыханія, его слезы, его вопли, и онъ, прохотивъ цѣлый день отъ дверей къ дверямъ, не получилъ необходимой для него пищи, чтобы не умереть, — быть можетъ поэтому именно онъ и прибѣгъ къ этимъ уловкамъ, которая составляетъ униженіе скорѣе для тебѣ, чѣмъ

¹⁾ См. II бес. о Лазарѣ, въ „Полн. Собраніи“ т. I, стр. 797 и сл.

для него. Онъ дѣйствительно жалокъ, что дошелъ до такой необходимости; но вѣдь мы же сами довели его до этого положенія, мы сами заслуживаемъ безчисленныхъ наказаній. Если бы мы были болѣе доступны жалости, развѣ онъ дошелъ бы до такихъ низостей? Что я говорю о наготѣ и дрожаніи отъ холода? Бываютъ еще вещи во сто разъ болѣе ужасныя! Нѣкоторые отцы вынуждены были ослѣплять своихъ дѣтей въ полномъ возрастѣ, чтобы тронуть насъ хотя бы видомъ столь глубокой бѣдственности. Ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ они присоединяли и это, самое плачевное изъ всѣхъ, чтобы добыть отъ васъ кусокъ хлѣба, считая меньшимъ зломъ лишеніе свѣта, этого небснаго луча, которымъ наслаждаются всѣ люди, чѣмъ постоянно бороться съ голодомъ, съ ужаснѣйшей изъ смертей. Такъ какъ вы не имѣете жалости къ бѣдности, и даже услаждаетесь несчастіями, то они удовлетворяютъ ваше ненасытное желаніе, и какъ для себя, такъ и для васъ возжигаютъ тѣмъ сильнѣйшій огонь въ гееннѣ.—Что все это происходитъ по вашей винѣ, вотъ неопровержимое доказательство. Иные бѣдняки, болѣе тщеславные, болѣе гордые, предпочитаютъ скорѣе выносить все, чѣмъ голодь, и убѣдившись изъ опыта, что всѣ просьбы бесполезны, предаются худшему роду шарлатанства: можно видѣть, какъ они гложутъ кожу старой обуви, вбиваютъ себѣ гвозди въ голову, наими погружаются (въ ледяную воду и вообще предаются тысячѣ другихъ еще болѣе нелѣпыхъ и дикихъ выходокъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе. И ты смѣнешся, ты рукоплещешь такимъ низкимъ выходкамъ, и униженіе человѣческаго естества есть зрѣлище, есть развлеченіе для тебя! Больше ли этого сдѣлалъ бы даже жестокой демонъ? Въ поощреніе этимъ низостямъ ты охотно даешь деньги. Бѣдному же, который проситъ у тебя со смиреніемъ, умоляетъ тебя Богомъ, ты не соизволяешь даже отвѣтить, не смотришь на него, отталкиваешь его съ обидными словами. Такому человѣку говоришь ты, не слѣдуетъ жить; позволительно ли такимъ твореніямъ дышать воздухомъ, видѣть солнце? — И вотъ твоя рука закрытая къ жалости, открывается для вознагражденія низости, такъ что ты могъ бы назваться агонееетомъ ¹⁾, вознаграждающимъ за тѣ сатанинскія игры, на которыхъ

¹⁾ *Агонееетъ* — ἀγωνοδότης — распорядитель общественныхъ игръ, судья и раздаватель призовъ на играхъ; у грековъ. По преимуществу избии-

смѣшное соперничаетъ съ постыднымъ. Поистинѣ о тебѣ и о всѣхъ тѣхъ, которые поощряютъ подобныя гнусности, которые не даютъ ничего иначе, какъ на худое, слѣдуетъ сказать: заслуживаютъ ли они того, чтобы жить, наслаждаться свѣтомъ небеснымъ,—люди, которые оскорбляютъ одинаково и природу и Творца? Когда Богъ говорить: твори милостыню, и Я дамъ тебѣ Мое царство, ты остаешься глухъ; когда же діаволъ подставляетъ тебѣ голову, пронзенную гвоздями, ты немедленно становишься щедрымъ. И послѣ этого еще спрашиваешь меня: зачѣмъ существуетъ геенна? Спроси лучше, почему существуетъ одна только геенна» ¹⁾).

Трудно бы еще подыскать болѣе доводовъ въ пользу подаенія милостыни бѣднымъ. Но Златоустъ неистощимъ въ этомъ отношеніи. Слово поистинѣ золотымъ потокомъ льется изъ его усть, лишь только мысль его коснется вопроса о положеніи бѣдняковъ и той несправедливости, съ которою относятся къ нимъ безсердечные богачи. Нужно помогать бѣдному, говорить онъ, хотя бы даже потому, что вѣдь «бѣднякъ такой же человѣкъ, какъ и ты», у него такая же душа и тотъ же Господь, вы причащаетесь однихъ и тѣхъ же таинъ, призваны къ одному и тому же небу, а онъ имѣетъ кромѣ того великое достоинство—бѣдность, нужду въ необходимой пищѣ. Вотъ ты не жалѣешь своихъ денегъ для тѣхъ, которые свирѣлями и цитрами услаждаютъ тебя въ зимнее время и пустословіемъ причиняютъ тебѣ вредъ; а когда бѣднякъ попроситъ у тебя хлѣба, въ которомъ онъ нуждается, то подвергаешь его обидамъ, упрекаешь его въ лѣности, не помышляя о томъ, что вѣдь и ты самъ лѣнивъ, а между тѣмъ Богъ не отказываетъ тебѣ въ своихъ благахъ. Не говори мнѣ, что ты занимаешься дѣлами; покажи мнѣ, что ты занимаешься чѣмъ-нибудь полезнымъ. Заботиться о своемъ благополучіи, умножать свои деньги, вести свои дѣла,—это не то, чего требуетъ отъ тебя Богъ. Онъ хочетъ милостыни, молитвы, защиты угнетенныхъ, много такого, въ забвеніи чего мы проводимъ всю свою жизнь. Между тѣмъ Онъ не говорить: поелику ты живешь въ праздности, Я не буду свѣтить тебѣ солнцемъ; поелику ты не дѣлаешь ничего такого, что необходимо, Я погашу

рались для этой должности люди богатые, щедрые на поощреніе подобныхъ игръ.

¹⁾ На 1 посл. къ Кор бес. XXI, 3, 5, 6. (въ изд. Мина IX т. ст. 175—178).

луну, сдѣлаю землю безплодною, изсушу источники, задержу дождь. Нѣтъ, Онъ расточаетъ свои сокровища даже лѣнливымъ, даже злымъ. Часто видя бѣднаго, ты говоришь мнѣ: я задыхаюсь отъ досады при видѣ этого молодого здороваго человѣка, который ничего не имѣя, хочетъ кормиться не работая—это навѣрно бѣглый рабъ и преступникъ. Такіе укору должно сдѣлать и тебѣ самому. Что я говорю? Позволь осуждаемому тобой свободно говорить о тебѣ, и онъ тебѣ еще съ большимъ правомъ скажетъ: я задыхаюсь отъ досады при видѣ того, какъ ты при полномъ здоровьи проводишь свою жизнь въ лѣности, въ отступленіи отъ заповѣдей Божіихъ и, убѣжавъ отъ своего Господа, и удалившись въ иную страну, блуждаешь въ корчмѣ, пьянствуешь, воруешь, разрушаешь счастье другихъ. Ты обвиняешь меня въ бездѣльи; а я обвиняю тебя въ твоемъ нечестіи, въ твоей лжи и клятвоприступничествѣ, въ коварствѣ и хищничествѣ.—Но говоря такъ, продолжалъ Златоустый проповѣдникъ, я не думаю поощрять лѣность, ибо она есть учительница всякаго зла. Я хочу, чтобы всѣ трудились, но я хочу также чтобы вы не были ни жестокими ни безчеловѣчными. Обсудивъ все это, будемъ обуздывать свой языкъ и отложивъ безчеловѣчіе, будемъ протягивать руку для подаенія милостыни, и не деньгами только, но и словами будемъ помогать нуждающимся, дабы намъ избѣгнуть наказанія за злословіе и наслѣдовать царство за благословеніе и милостыню» ¹⁾).

Итакъ, значеніе милостыни, какъ царицы добродѣтелей, выяснено Златоустомъ съ неподражаемой полнотой и силой. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ осуществлять эту добродѣтель? Неужели она только и состоитъ въ примитивномъ подаеніи всякому нуждающемуся,—въ той формѣ, которая въ новѣйшее время подвергается порицаніямъ, такъ какъ-де не достигаетъ своей цѣли и даже увеличиваетъ самое то нищенство, противъ котораго направляется, или же у великаго проповѣдника милостыни предносились и другія формы служенія «царицѣ добродѣтелей»? Разъясненіе этого интереснаго вопроса отлагаемъ до слѣдующей книги.

А. Лопухинъ.

¹⁾ На ев. **Матѳея**, бес. XXXV, 3—5 (у *Миня* т. VII, ст. 409—12)

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**